МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ»

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Сборник научных трудов

№ 2 (6) 2026

Луганск
2026

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ: Сборник научных трудов
Выпуск № 2(6) 2026

Основан в 2025 году **Выходит 4 раза в год**

Учредитель **ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»**

Редакционная коллегия:
Мазур Оксана Геннадиевна, д-р полит.н., доцент **(главный редактор)**
Агапова Елена Анатольевна, д-р филос.н., доцент.
Вартумян Арушан Арушанович, д-р полит.н., профессор.
Казаков Александр Александрович, д-р полит.н., доцент.
Косов Геннадий Владимирович, д-р полит.н., профессор.
Панкратов Сергей Анатольевич, д-р полит.н., профессор.
Поцелуев Сергей Петрович, д-р полит.н., профессор.
Проскурина Елена Александровна, д-р полит.н., профессор
Проценко Александр Валерьевич, к-т полит.н., доцент.
Шепелев Максимилиан Альбертович, д-р полит.н., профессор, действительный член Крымской академии наук.
Щедрова Галина Петровна, д-р полит.н., профессор.

П503 **Политологические записки: Сборник научных трудов.** № 2 (6) 2026. – Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2026. – 158 с.

В сборнике публикуются материалы в области политических наук, где освещаются наиболее актуальные проблемы современного развития политических институтов и процессов в контексте мирового и отечественного опыта модернизации политической системы, политической культуры и идеологии.

Рекомендовано к печати Ученым советом Луганского государственного университета имени Владимира Даля (протокол № 14 от 19 июня 2026 г.).

Статьи прорецензированы членами редакционной коллегии.

© Авторы, 2026
© ФГБОУ ВО «ЛГУ им. В. Даля», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Литвин Л.А. 4
УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ

Мазур О.Г., Ефименко А.М. 23
ПРАКТИКИ КОЛЛАБОРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Мазур О.Г., Юрченко О.А. 52
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Мазур О.Г., Пробейголова Н.В. 67
ПРОГРАММЫ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОБМЕНОВ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Макарова Е.И., Татаринов И.Е. 87
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА УКРАИНЕ В 1990-х – НАЧАЛЕ 2000-х гг.

Проскурина Е.А. 108
ПОСТСОВЕТСКАЯ ЕВРАЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗЛОМА: ПРОБЛЕМА «ЭЛИТНОГО КОНСЕНСУСА» И ОЛИГАРХИЧЕСКИХ КЛАНОВ В НОВЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Проценко А.В., Савченко Н.Н. 120
УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ ВО ВРЕМЯ ВЫБОРНЫХ КАМПАНИЙ В ЛНР: ОПЫТ 2022–2026 гг.

Ткачук П.Ю., Макарова Е.И., Бахарева Н.В. 139
К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

УДК: 327.82:354

Литвин Л. А.

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ

Данная статья посвящена анализу управленческих практик современных масштабных геополитических проектов. Рассмотрены такие геополитические проекты как китайский «Пояс и путь», Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Арктический экономический совет (АЭС) и Совет Баренцева / Евроарктического региона (СБЕР). Названы такие широкие управленческие практики как инфраструктурный империализм, институциональный дизайн и дипломатия зонтичной легитимности. В контексте этих управленческих практик обозначены более узкие инструменты воздействия и администрирования.

Ключевые слова: *геополитический проект, инфраструктурный проект, управленческие практики, «Пояс и путь», Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества, Арктический экономический совет и Совет Баренцева / Евроарктического региона, инфраструктурный империализм, институциональный дизайн, дипломатия зонтичной легитимности.*

Актуальность исследования. Актуальность темы исследования обусловлена динамикой изменений на мировой арене, которая сейчас переживает достаточно серьезную трансформацию. Мы видим, как постепенно перекраивается весь геополитический ландшафт, конкуренция между ведущими игроками становится все более жесткой, и борьба идет не только за ресурсы, но и за контроль над стратегически важными путями сообщения. Кроме того, на

наших глазах пересматривается роль тех центров силы, которые казались незыблемыми, и, одновременно с этим, появляются новые, не менее влиятельные акторы. В этой ситуации исследование того, как устроены и как реализуются геополитические проекты, приобретает особую значимость.

В современной международной системе государства все чаще отказываются от прямолинейной силовой экспансии в пользу сложных, многослойных конструкций – глобальных геополитических проектов. Эти проекты представляют собой не просто экономические коридоры или оборонительные союзы, а целостные системы управления пространством. Они строятся на пересечении жесткой институциональной и мягкой ценностно-нарративной силы. Наконец, изучение управленческих практик в рамках геополитических проектов представляет особый интерес с точки зрения эволюции моделей глобального управления, где конкурируют иерархические и сетевые принципы, а также проверяется устойчивость создаваемых институтов и форматов сотрудничества к внутренним и внешним дестабилизирующим воздействиям.

Объект исследования – современные геополитические проекты.

Предмет исследования – управленческие практики реализации современных геополитических проектов.

Целью работы является проанализировать управленческие практики реализации современных геополитических проектов.

Степень разработанности проблемы. Проблематика геополитических проектов находится на стыке политологии, международных отношений, экономики и регионоведения. Теоретические аспекты разрабатывались в трудах классиков геополитики (Х. Маккиндер, К. Хаусхофер, Н. Спайкмен) и современных авторов (З. Бжезинский, С. Хантингтон, П. Тейлор).

Конкретные проекты, такие как китайский «Один пояс один путь», американские стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе, российские интеграционные инициативы в Евразии, а также проекты ЕС, активно исследуются как зарубежными (К. Ф. Аренс, Б. Барбье, Д. Ву), так и отечественными учеными (А. Г. Дугин, С. А. Караганов, И. Н. Тимофеев). Однако ощущается недостаток комплексных сравнительных исследований, которые бы систематизировали управленческие практики в рамках единой аналитической, что данная работа призвана восполнить.

Результаты исследования. Анализ таких структур, как «Пояс и путь», Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Арктический экономический совет (АЭС) и Совет Баренцева / Евроарктического региона (СБЕР), позволяет выделить три ключевых инструмента: инфраструктурный империализм, институциональный дизайн и дипломатию зонтичной легитимности.

Инфраструктурный империализм как инструмент связывания пространства наиболее его ярким примером, является, использование инфраструктуры в качестве геополитического инструмента в китайском проекте «Пояс и путь». В отличие от классической колониальной модели, где инфраструктура строилась для вывоза ресурсов, ОПОП использует транспортные, логистические и энергетические сети для создания зависимости от связности [3].

В рамках ОПОП инструментом выступают кредитная дипломатия и контрактная геополитика. Китай не требует смены политических режимов в странах-участницах (в отличие от западных подходов 1990-2000-х годов), но через механизмы и стандартизации (железнодорожная колея, цифровые платформы 5G) привязывает экономики Центральной Азии, Африки и Юго-Восточной Азии к своей технологической и финансовой экосистеме.

Инструментарий здесь – двусторонние меморандумы, не имеющие жесткого наднационального регулирования, что позволяет Пекину сохранять полный контроль над маршрутами, избегая институциональной бюрократизации, свойственной западным структурам.

То есть если «Пояс и путь» – это «проект-сеть», то ЕАЭС и ШОС представляют собой противоположные модели институционального строительства.

ЕАЭС демонстрирует инструмент глубокой интеграции на постсоветском пространстве. Здесь государственная политика использует классические механизмы таможенного союза, единого рынка труда и гармонизации технических регламентов.

Если попытаться выделить в механизмах современной евразийской интеграции тот самый, пожалуй, ключевой дипломатический приём, который во многом и определяет специфику Евразийского экономического союза, то таковым, безусловно, окажется то, что можно обозначить как суверенизацию интеграционных процессов. Речь идёт о принципиально иной, нежели в европейском варианте, расстановке акцентов между тем, что отдаётся на уровень коллективных органов, и тем, что остаётся в исключительном ведении национальных государств.

В отличие от Европейского союза, где за десятилетия сложилась достаточно жёсткая конструкция, в рамках которой наднациональные институты (вроде Еврокомиссии или Суда ЕС) зачастую доминируют над национальными правительствами, ЕАЭС строился на совершенно иных основаниях – приоритете консенсуса и, что ещё более принципиально, последовательном сохранении полноты политического суверенитета за каждым из участников. И это, заметим, не просто декларация, а вполне работающая логика управления. По сути, она позволяет использовать экономический проект как пространство влияния, где вполне конкретные

экономические преференции – скажем, льготные цены на энергоносители, особые условия доступа на те или иные рынки, участие в совместных программах импортозамещения – оказываются напрямую увязаны с более широкой геополитической лояльностью партнёров. Иначе говоря, интеграция здесь не требует жертвовать суверенитетом, но при этом она же создаёт механизм, где экономические «плюсы» имеют отчётливую политическую размерность [5].

Если говорить о сравнительной типологии, то Шанхайская организация сотрудничества демонстрирует принципиально иную логику. Её можно было бы охарактеризовать как инструмент «гибкой дипломатии», который фокусируется на вопросах безопасности, но при этом не требует от участников жёсткой интеграции. Изначально, напомним, ШОС создавалась для решения вполне конкретной прикладной задачи – делимитации границ между государствами-основателями. Однако со временем она прошла заметную эволюцию, превратившись в платформу, где взаимодействие строится во многом вокруг контргегемонистской повестки. Какие инструменты здесь являются основными? В первую очередь, это регулярные военные учения, которые проводятся под эгидой антитеррористической деятельности; затем, механизмы раннего предупреждения и предотвращения возможных конфликтов; и, наконец, так называемая «дипломатия многосторонних коридоров». Таким образом, ШОС выполняет важную, пусть и не всегда заметную функцию – она помогает снизить транзакционные издержки, объективно возникающие при взаимодействии крупных центров силы (таких как Китай, Россия, Индия и Иран). Иными словами, организация даёт этим государствам возможность координировать свои позиции по глобальным вопросам, не создавая при этом военно-политического блока в его классическом, жестко сцепленном понимании.

Совершенно иную картину мы видим, если обратимся к арктическим проектам – в частности, к Арктическому экономическому совету (АЭС) и Совету Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР). На их примере прослеживается достаточно показательная эволюция дипломатических инструментов: от традиционного регионализма к тому, что можно назвать секьюритизированной экономикой. Возьмём, к примеру, СБЕР. Эта структура была создана ещё в конце холодной войны и по своему замыслу являлась классическим образцом низовой, субрегиональной дипломатии. Её инструментарий включал и включает в себя трансграничное сотрудничество на уровне муниципалитетов, выделение грантов на экологические проекты, а также гуманитарные обмены. Однако начиная с 2014 года – а особенно после 2022-го – этот механизм столкнулся с глубоким кризисом. Дипломатия, построенная вокруг общих проблем (экология, положение коренных народов), оказалась, по сути, заложницей того геополитического разлома, который пролегает сейчас между Россией и странами НАТО.

Арктический экономический совет, в свою очередь, представляет собой уже новый тип инструментов. Его можно было бы назвать дипломатией доступа к ресурсам. Формально АЭС был создан под эгидой Арктического совета, однако его фокус изначально ориентирован на бизнес, а не на межгосударственные отношения. И это оказывается весьма прагматичным решением. Благодаря такой конструкции Совет позволяет западным корпорациям и российским государственным компаниям поддерживать рабочие каналы коммуникации даже в условиях жестких санкционных режимов. Инструментарий здесь смещается от государственного уровня к корпоративному. Речь идёт о стандартизации логистических процедур, в первую очередь на трассах Северного морского пути, о создании страховых пулов и о

совместных научных исследованиях. Все эти элементы работают как своего рода «сдержки и противовесы» по отношению к политическим конфликтам. В этом контексте государственная политика России использует АЭС как эффективную площадку для легитимации своего присутствия в Арктике – но уже не через военную риторику, а через апелляцию к экономической целесообразности [6].

Если принять во внимание разницу в подходах, заложенных в основу двух рассмотренных арктических институтов, то она выглядит достаточно показательной. Совет Баренцева / Евроарктического региона изначально строился на принципах межмуниципального гуманитарного сотрудничества, что предполагало активное взаимодействие на низовом, субрегиональном уровне. Однако в нынешних условиях, когда политическое размежевание между ключевыми игроками стало реальностью, этот механизм, как можно констатировать, оказался фактически замороженным – горизонтальные связи, составлявшие его основу, оказались разорваны. Арктический экономический совет, напротив, демонстрирует совершенно иную динамику. Благодаря своей функциональной архитектуре, ориентированной не столько на межгосударственный диалог, сколько на решение прикладных отраслевых задач, АЭС сохраняет работоспособность даже в непростых геополитических обстоятельствах. В этом смысле данный институт можно рассматривать как образец того, что иногда называют постклассической дипломатией. Главным ресурсом здесь выступает не суверенитет в его формально-юридическом, атрибутивном понимании, а способность государства – и, шире, всего объединения – обеспечивать бесшовное, бесперебойное взаимодействие частных игроков в зонах с высокой геополитической турбулентностью. Иначе говоря, не столько политическая воля,

сколько технологическая и регуляторная совместимость сетей разного уровня.

Сравнительный анализ инструментов государственной политики и дипломатии на примере тех геополитических проектов, которые были рассмотрены выше позволяет утверждать, что современные глобальные проекты постепенно отходят от классической, еще недавно доминировавшей монополярной логики, где всё пространство жестко делилось на центр и периферию. Сегодня мы наблюдаем более сложную картину. Государственная политика все чаще прибегает к инструментам, которые можно обозначить как механизмы дифференцированного суверенитета. Эта дифференциация проявляется, в частности, в отраслевом разрезе. В экономических проектах – например, в рамках Один пояса, одного пути или Евразийского экономического союза – происходит постепенное, но вполне отчетливое размывание традиционных государственных границ. На смену им приходят корпоративные и инфраструктурные сети, которые организуют взаимодействие напрямую, минуя межправительственные процедуры. В сфере же безопасности – и здесь показательным примером выступает Шанхайская организация сотрудничества – и тем более в высоких широтах, в Арктике, сохраняется жесткая привязка к национальным интересам, и границы продолжают играть принципиальную, структурообразующую роль.

Инструменты, используемые в ОПОП (инфраструктура) и ЕАЭС (регуляторика), формируют физическую и юридическую реальность, в то время как арктические советы (АЭС, СБЕР) выполняют роль предохранительных клапанов, сохраняя коммуникацию там, где политический диалог заморожен.

Если же учитывать ключевую роль транзитного, логистического и геостратегического положения России, её отношения с проектом «Один пояс, один путь» выходят далеко за рамки простого членства.

Российская Федерация, будучи страной, через которую проходят важнейшие сухопутные маршруты из Китая в Европу, а также обладая уникальной арктической транспортной артерией, стала для КНР не просто соседом, а привилегированным партнёром и связующим звеном между двумя центрами мировой экономики. Взаимодействие строится по нескольким магистральным точкам соприкосновения, превращающим двусторонние отношения в стратегический альянс.

Центральным пунктом взаимодействия является политическая воля к объединению усилий. Россия рассматривает сопряжение китайской инициативы «Пояс и путь» с собственными интеграционными проектами в Евразии как важнейшую составляющую стратегического партнёрства. Китайский проект оказался созвучен российским идеям создания открытого интеграционного контура, обеспечивающего свободу торговли и передвижения ресурсов. Развитие обозначенного курса нашло свое концептуальное воплощение в инициативе президента России Владимира Путина, предложившего сформировать Большое Евразийское партнерство. В основе этой идеи – стремление органично объединить потенциалы нескольких крупных региональных структур: Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Ключевая задача при этом – не просто механически соединить их, но добиться полноценной синхронизации национальных программ развития, включая китайскую инициативу «Пояс и путь». Такой подход, как предполагается, позволит избежать нежелательного дублирования проектов и прямой конкуренции между ними, сфокусировавшись, напротив, на их взаимодополняемость и, в конечном счете, глубокой интеграции

Что же касается, пожалуй, наиболее динамично развивающейся на сегодняшний день точки соприкосновения – а она, что характерно, набирает особые обороты именно в условиях беспрецедентного санкционного давления, – то здесь, безусловно, следует назвать Арктику. Российская сторона выступила с предложением к Китаю совместно осваивать Северный морской путь – маршрут, который является кратчайшим путем из Европы в Азию. И Пекин, надо сказать, отреагировал на это со стратегическим интересом, рассматривая теперь СМП как северное ответвление своего масштабного мегапроекта «Пояс – путь» [7, с. 990]. Причем интерес здесь не чисто декларативный – китайская сторона явно нацелена на то, чтобы вывести всю логистику на принципиально новый уровень. В качестве одного из примеров можно привести сентябрь 2025 года, когда в рамках новой контейнерной линии из КНР в Европу как раз и был запущен первый транзитный рейс, пролегавший через арктические воды. Важно подчеркнуть, что взаимодействие Москвы и Пекина в этом регионе не исчерпывается одной лишь логистикой. Оно включает в себя и ресурсную составляющую: так, Китай уже принимает участие в ключевых проектах по производству сжиженного природного газа – в частности, речь идет о проекте «Ямал СПГ» и об «Арктик СПГ – 2».

Таким образом, формируется концепция «Полярного шелкового пути», где Россия получает коммерческую загрузку маршрута и международный статус коридора, а Китай – надёжную альтернативу традиционным и перегруженным южным маршрутам. В рамках проекта «Один пояс, один путь» энергетическая кооперация выходит на качественно новый уровень. Ключевым инфраструктурным проектом здесь является газопровод «Сила Сибири – 2». Глава МИД РФ Сергей Лавров прямо заявил, что этот проект «гармонично сочетается» с инициативой «Пояс и путь», интегрируясь в общую систему энергетических маршрутов региона [7, с. 975-992].

Кроме того, в портфеле двустороннего сотрудничества числятся десятки других масштабных проектов: от строительства газовых комплексов в порту Усть-Луга (Ленинградская область) мощностью до 144 млн тонн СПГ в год до создания терминально-логистического комплекса «Белый Раст» и «сухих портов». Общий объём подтверждённых инвестиций исчисляется десятками миллиардов долларов – только с 2015 по 2025 гг. в России реализовано 103 проекта с участием КНР.

Однако, несмотря на бурное развитие, важно отметить и наличие вызовов. Участие России в проекте в последние годы во многом оказалось «фактически замороженным» из-за геополитической нестабильности и санкционного давления, осложнивших внешнеэкономическую деятельность.

Между тем, вложения Китая в инфраструктурные проекты не следует рассматривать как чисто экономический жест. За ними просматривается вполне прагматичная логика: китайская сторона использует эти инвестиции для одновременного продвижения как собственных экономических интересов, так и, что, пожалуй, не менее важно, своего политического влияния. Дело в том, что такая модель взаимодействия при определённых сценариях способна привести к возникновению достаточно жёсткой зависимости от восточного соседа – зависимости, которая может затронуть не только отдельные отрасли, но и более широкие параметры внешнеполитического манёвра. В двусторонней торговле по-прежнему сохраняется заметный дисбаланс. Российский экспорт – что характерно – носит в подавляющей своей массе сырьевой характер, и эта структура пока что не претерпевает сколько-нибудь существенных изменений.

Из всего сказанного, на наш взгляд, можно сделать следующий вывод. Для России участие в инициативе «Один пояс, один путь» – это, безусловно, стратегический шанс, причём шанс довольно

значимый. Речь идёт о возможности провести модернизацию собственной инфраструктуры, которая в последние десятилетия обновлялась далеко не теми темпами, какими хотелось бы, и одновременно укрепить свою роль транзитного хаза между Европой и Азией. Однако платой за открывающиеся возможности становится необходимость выстраивать с Китаем отношения принципиально иного качества – более тесные, более плотные, с высокой степенью как экономической, так и политической координации. А это, в свою очередь, ставит перед Москвой задачу, которая едва ли имеет простое решение: нужно постоянно балансировать между углублением сотрудничества, с одной стороны, и сохранением собственного суверенитета, автономии принятия решений – с другой. И вот это тонкое равновесие, пожалуй, и составляет главную сложность текущего момента.

Если говорить о процессе формирования многополярной архитектуры современного мира – процессе, который, как представляется, набирает всё большую динамику, – то в нём, пожалуй, можно выделить три наиболее масштабных и, судя по всему, взаимосвязанных вектора взаимодействия. Прежде всего, это евразийские интеграционные инициативы, которые подпитываются деятельностью таких структур, как ЕАЭС, ШОС и БРИКС. Однако ими, разумеется, дело не ограничивается. Свой заметный вклад вносят и проекты, инициируемые странами так называемого глобального Юга – в частности, в Атлантическом и, что особенно примечательно, в Антарктическом регионах. Наконец, отдельно и, наверное, с полным основанием можно выделить китайскую систему международных инфраструктурных связей, известную как инициатива «Пояс и путь», которая за годы своего существования приобрела поистине глобальный размах. Именно в сопряжении и, возможно, в скрытой конкуренции этих трёх геополитических и

геоэкономических потоков сегодня, по-видимому, и вызревают контуры будущего миропорядка.

Каждый из этих проектов обладает уникальным набором экономических, инфраструктурных и оборонных механизмов реализации, что позволяет сравнить их эффективность и сделать выводы о перспективах дальнейшего развития [8, с. 244].

Обращаясь к детальному рассмотрению евразийских интеграционных и региональных проектов, следует отметить, что их экономический фундамент строится на принципах формирования единого рынка и скоординированной макроэкономической политики. Ключевую роль в этом процессе играют институты Евразийского экономического союза и Содружества Независимых Государств, а финансовую базу и инвестиционную поддержку обеспечивает Евразийский банк развития. Инфраструктурные механизмы в данном блоке направлены на создание общих энергетических и транспортных рынков, что на практике выражается в реализации таких крупных международных коридоров, как транспортный маршрут «Север-Юг» [10]. Эти меры призваны диверсифицировать торговые пути и снизить зависимость от традиционных транзитных маршрутов. Что касается оборонной составляющей, то она реализуется через коалиционную структуру Организации Договора о коллективной безопасности, которая предусматривает механизмы коллективной обороны и регулярные совместные учения, а в более широком формате безопасность и противодействие трансграничным угрозам координируются в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

В отличие от относительно институционализированного евразийского пространства, глобальные южно-полярные и южно-атлантические коалиции и проекты представляют собой более амбициозную и пока во многом декларативную модель переустройства связей между странами, так называемого

Глобального Юга. Экономические механизмы здесь базируются на стремлении преодолеть постколониальную зависимость и выстроить систему равноправного партнерства.

Акцент делается на создании совместных предприятий и проектов в сфере зелёной энергетики и добычи природных ресурсов, при этом важным элементом является сохранение экологического баланса, что находится в сфере внимания Коалиции по сохранению биоресурсов Антарктики и Южного океана. Инфраструктурная составляющая подразумевает масштабное строительство новых портов, логистических хабов и железных дорог, которые должны соединить атлантическое побережье Африки с Южной Америкой, формируя тем самым независимый трансатлантический маршрут в обход традиционных северных центров силы. В оборонной сфере в рамках данного направления обсуждается проект создания военно-политического союза, который мог бы стать альтернативой НАТО и быть нацеленным на защиту морских коммуникаций и ресурсной базы от внешнего вмешательства, однако на данный момент эти идеи находятся в начальной стадии проработки.

Китайские инфраструктурные и международные проекты, объединенные общей концепцией сопряжения и глобального развития, занимают особое место в мировой архитектуре. Опираясь на мощный инвестиционный ресурс и разветвленные кредитные линии, задействованные здесь экономические механизмы стимулируют как торговлю, так и модернизационные процессы в странах-участницах. Характерной чертой является поливариантный подход, который позволяет выстраивать чрезвычайно гибкую сеть маршрутов – охватывающих и сушу, и море. Масштаб этой деятельности подтверждается, что называется, цифрами с большим количеством нулей: совокупный объем сделок по данным инициативам уже превысил отметку в 1,3 трлн долларов США, а только за первое полугодие 2025 года сумма новых контрактов

достигла 124 млрд долларов [1, с. 375]. Что касается инфраструктурной составляющей, то здесь механизмы включают строительство и модернизацию глубоководных портов, железнодорожных и автомобильных магистралей, а также энергетических объектов – всё это в комплексе призвано устранять узкие места в глобальной логистике и ускорять движение товарных потоков. Хотя эти проекты не являются военным альянсом, создание объектов инфраструктуры двойного назначения, таких как современные портовые терминалы, способно косвенно усиливать военно-стратегические возможности Китая в удаленных регионах мира, обеспечивая тыловое и логистическое присутствие [3, с. 435].

Точки соприкосновения России с евразийским проектом здесь наиболее очевидны и институциональны: РФ является ядром, государством-учредителем ЕАЭС, ОДКБ и ключевым донором Евразийского банка развития. Именно Россия обеспечивает практическую реализацию транспортного коридора «Север-Юг», который является примером инфраструктурного механизма, и выступает главным бенефициаром формирования общего энергетического и транспортного рынков Союза.

Что касается китайских инфраструктурных инициатив, то отношения России с проектом «Пояс и путь» выходят за рамки простого транзитного статуса. Как уже подробно рассматривалось ранее, сопряжение ЕАЭС и китайской инициативы через Большое Евразийское партнёрство, а также совместное освоение Северного морского пути (превращающегося в «Полярный шелковый путь») делают Россию незаменимым партнёром Пекина.

В южно-полярном и южно-атлантическом блоках присутствие России менее заметно на уровне деклараций, но весьма существенно на уровне практической деятельности. Являясь одним из первоначальных участников Договора об Антарктике и действуя через механизмы Коалиции по сохранению биоресурсов Антарктики

и Южного океана, Россия обладает здесь собственными научными станциями, флотом и геополитическими интересами. Более того, в контексте строительства независимых трансатлантических маршрутов в обход «северных центров силы» российские порты и логистические хабы в Мурманске и Архангельске, а также развитие связей со странами БРИКС (где РФ председательствовала в 2024 году) могут стать точками входа для сопряжения южно-атлантических проектов с евразийской инфраструктурой.

Выводы. Таким образом, резюмируя можно сказать, что Россия выступает тем сухопутным мостом, который физически объединяет три описанных вектора. Она обеспечивает евразийский проект – институциональной дисциплиной, китайский – энергетическим и транзитным ресурсом, а южно-полярный – научным и природоохранным присутствием, одновременно предлагая этим трём направлениям свою финансовую и инфраструктурную платформу для взаимной стыковки. Следовательно, в любой из будущих конфигураций многополярного мира Россия сохранит за собой статус незаменимого стабилизатора и интегратора евразийского пространства.

Сравнивая эти три направления, можно заметить фундаментальные различия в подходах и степени реализации. Евразийский проект обладает наиболее развитой институциональной и оборонной надстройкой в лице наднациональных органов и военного блока, однако экономически он во многом остается завязанным на сырьевую модель и нуждается в углублении технологической кооперации. Южно-полярные и южно-атлантические инициативы демонстрируют огромный потенциал ресурсной базы и стремление к суверенитету, но сталкиваются с острой нехваткой финансирования и отсутствием реальных военно-политических гарантий, что делает их пока скорее концепциями будущего. Китайский подход, напротив, демонстрирует

максимальную прагматичность и эффективность в краткосрочной и среднесрочной перспективе за счет прямой увязки инфраструктуры с торговлей и капиталом, однако он сопряжен с рисками роста долговой нагрузки для стран-реципиентов и требует повышения прозрачности условий сотрудничества.

В качестве общих рекомендаций для всех рассмотренных проектов и их стыковки представляется целесообразным сосредоточиться на нескольких ключевых аспектах. Прежде всего, необходимо создавать современную и независимую финансовую инфраструктуру, способную обслуживать растущие потоки взаимных инвестиций и торговли без оглядки на внешние ограничения. Параллельно с этим фундаментально важным является развитие человеческого капитала и образования, без которого не будет возможна полноценная индустриализация и переход к высокотехнологичному укладу. И наконец, при реализации любых глобальных инициатив следует стремиться к балансу между экономической выгодой, социальным развитием и защитой окружающей среды, поскольку долгосрочная устойчивость геополитических конструкций напрямую зависит от их способности отвечать на внутренние запросы обществ и вызовы планетарного масштаба.

Перспективой дальнейших исследований может стать попытка обосновать новый геополитический проект с участием России.

Список литературы

1.Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М. : Весь Мир, 2017. 532 с.

2. Колосов, В. А. Геополитика и политическая география. М. : Наука, 2022. 283 с.

3. Маслов, О. Российский народ в преддверии цивилизационного прорыва. М. : Вестник, 2017. 435 с.

4. Ротанёв, А. В. Особенности развития африканского вектора внешней политики крупных акторов международных отношений в регионе Сахеля (на примере США, Китая, Франции и Турции) [Электронный ресурс] // Вестник политологии. 13.05.2025. URL:https://voprospolitolog.ru/images/81202025/Ротанёв%20А.В.%20Вопросы%20политологии%20№%208-2025.pdf (Дата обращения: 20.08.2026).

5. Савицкий, П. Н. Географический обзор России – Евразии. М.: Высшая школа, 2023. 653 с.

6. Спикмэн, Н. Новая Атлантида. Геополитика Запада на суше и на море. М. : Родина, 2022. 224 с.

7. Фурсов, С. В., Шумкин А. В. Россия в рамках глобализационного проекта Китая: возможности и риски // Вопросы политологии 2025. Т. 15. № 3 (115). С. 975 – 992.

8. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек. М. : «Изд-во АСТ», 2024. 244 с.

9. Шанхайская организация сотрудничества. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: https://rus.sectsco.org/ (дата обращения 20.08.2026)

***Литвин Лилия Анатольевна**, к-т полит. наук, доцент, доцент, ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск*
***SPIN-код:** 6295-8929*

Litvin L.A.

ADMINISTRATIVE PRACTICES IN THE IMPLEMENTATION OF MODERN GEOPOLITICAL PROJECTS

This article is devoted to the analysis of management practices in modern large-scale geopolitical projects. The following geopolitical projects are examined: China's «Belt and Road Initiative», the Eurasian Economic Union (EAEU), the Shanghai Cooperation Organization (SCO), the Arctic Economic

Council (AEC), and the Barents Euro-Arctic Region (BER). Broad management practices are identified, such as infrastructure imperialism, institutional design, and umbrella legitimacy diplomacy. In the context of these management practices, more specific tools of influence and administration are outlined.

Keywords: *geopolitical project, infrastructure project, management practices, «Belt and Road Initiative», Eurasian Economic Union, Shanghai Cooperation Organization, Arctic Economic Council, and the Barents/Euro-Arctic Region Council, infrastructure imperialism, institutional design, umbrella legitimacy diplomacy.*

Litvin Lilia Anatolyevna*, PhD in Political Sciences, Docent, Associate Professor, of the Lugansk State University named after V. Dahl.*
SPIN-code *6295-8929*

Статья поступила в редакцию 15.04.2026 г.

УДК 327.39

Мазур О.Г., Ефименко А.М.

ПРАКТИКИ КОЛЛАБОРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье исследуются практики коллаборации в современном политическом процессе как форма координации акторов при усложнении международной и внутриполитической среды. Цель работы состоит в выявлении причин распространения коллаборационных практик, их функционального назначения и перспектив дальнейшего развития. Для достижения цели анализируются теоретические подходы к коллаборации, изучаются виды взаимодействия, состав участников, предмет сотрудничества и механизмы согласования интересов. Структура статьи включает характеристику предпосылок формирования коллаборационных практик, их типологизацию, описание основных механизмов и оценку ведущих тенденций: минилатерализации, платформизации, гибридизации, секторализации и роста сетевых форм координации. Сделан вывод о том, что коллаборационные практики возникают как ответ на ограниченность традиционных институтов, перегрузку многосторонних форматов и распределение ресурсов между разными центрами принятия решений. Их назначение связано с ускорением согласования позиций, объединением экспертных, финансовых и организационных ресурсов, выработкой частичных решений по конкретным политическим задачам. Одновременно такие практики несут риски фрагментации повестки, слабой подотчетности и зависимости от политической воли участников.

Ключевые слова: *коллаборационные практики, политический процесс, коллаборационные платформы, минилатерализм, полисубъектность, политическое взаимодействие, сетевые механизмы.*

Актуальность. Современный политический процесс развивается в среде, характеризующейся постоянны ростом числа акторов, способных принимать самостоятельные решения, а традиционные международные институты все чаще сталкиваются с процедурной перегрузкой. Государства сохраняют центральное место в политических процессах, однако бок о бок с ними действуют международные организации, экспертные сообщества, неправительственные структуры, транснациональные корпорации, различные университеты, фонды, медиаплатформы, диаспоральные сообщества и др. Каждый из перечисленных участников имеет собственные ресурсы: политический мандат, собственную экспертизу, соответствующую инфраструктуру, финансирование, доступ к широким аудиториям или каналам коммуникации. В результате многие решения формируются путем согласования мнений разными центров влияния.

Широкое распространение коллабораций связано с указанным положением дел. Они возникают в тех сферах, где действие со стороны только одного актора дает ограниченный результат, а крупные многосторонние институты, способные оказать влияние, реагируют слишком медленно. Безопасность, миграция, климатическая политика, пандемии, гуманитарные кризисы, критические технологии и устойчивость цепочек поставок требуют согласования множества ресурсов и компетенций. Один актор редко способен полностью контролировать данные процессы, в результате чего, логично, что коллаборация становится способом организовать совместное действие там, где требуемые полномочия распределены между несколькими участниками.

Причины появления коллабораций можно свести к нескольким взаимосвязанным факторам. Первый фактор – кризис процедурной эффективности универсальных институтов. Многосторонние организации сохраняют значение для легитимации решений,

закрепления норм и поддержания дипломатического диалога, но часто проигрывают более узким форматам по скорости реакции. Принцип консенсуса, право вето, асимметрия интересов и разный уровень вовлеченности участников затрудняют практическую реализацию решений. Второй фактор связан с усложнением самой повестки, так как политические проблемы стали межсекторными. Вопросы безопасности пересекаются с технологической политикой, логистикой, энергетикой, финансовыми потоками и информационной средой. Гуманитарные кризисы требуют непосредственного участия дипломатов, международных организаций, благотворительных фондов, местных администраций, экспертных структур и медиапосредников для их разрешения. Климатическая повестка увязывается в первую очередь с промышленностью, транспортом, финансами, региональным развитием и международной торговлей. Описанные задачи плохо укладываются в рамки одной бюрократической вертикали. Третий фактор – стремление акторов сохранить гибкость. К примеру, классические союзы и международные организации предполагают устойчивые обязательства, политическую дисциплину и длительные процедуры согласования. В ситуации неопределенности государства и другие участники предпочитают более подвижные формы взаимодействия. Малые коалиции, контактные группы, экспертно-политические площадки, проектные партнерства и платформы, создаваемые под конкретную задачу, позволяют реагировать гораздо быстрее и эффективнее, предоставляя возможность собрать ограниченный круг заинтересованных участников, способных внести ресурсный вклад.

Функциональное назначение практик сотрудничества заключается в преобразовании разрозненных интересов в управляемую форму совместной деятельности, которая позволяет снизить неопределённость во взаимодействии участников,

определить круг общих целей, распределить ресурсы, согласовать необходимые стандарты и апробировать новые модели управления. В сфере безопасности такие практики обеспечивают координацию действий союзников и партнёров без создания жёстких блоковых структур. В экономической сфере соответствующие механизмы применяются при реализации инфраструктурных проектов, регулировании цепочек поставок, осуществлении технологических инициатив и согласовании отраслевых норм. В гуманитарной и экспертной сферах они способствуют формированию устойчивых каналов доверия, способных сохранять своё значение даже в условиях осложнения официальных межгосударственных отношений.

Научная актуальность темы обусловлена тем, что коллаборация нередко рассматривается фрагментарно, через категории многосторонности, сетевого управления, публичной дипломатии, партнёрств в целях развития или инструментов «мягкой силы». Подобная исследовательская оптика затрудняет целостное понимание механизма коллаборационного взаимодействия и не позволяет в полной мере объяснить, почему одни форматы приобретают устойчивый характер и превращаются в постоянно действующие платформы, тогда как другие прекращают существование после изменения повестки. В имеющейся литературе остаются недостаточно разработанными вопросы формирования правил участия, определения повестки, распределения ролей и контроля за выполнением договорённостей, а также рисков, возникающих вследствие асимметрии ресурсов, которыми располагают участвующие акторы.

В этом смысле коллаборационные практики требуют анализа как самостоятельный элемент политического процесса. Их нельзя сводить к обычному сотрудничеству, т.к. коллаборация предполагает более плотную координацию, наличие общей задачи,

распределение функций, согласование процедур и определенную повторяемость взаимодействия. Разовая консультация, обмен информацией или декларация о намерениях еще не образуют устойчивую коллаборацию. Такая практика возникает тогда, когда участники создают рабочую рамку для совместного действия, фиксируют правила взаимодействия и связывают свои ресурсы с достижением конкретного результата.

Отдельное значение имеет платформенная логика коллаборации. Под политической платформой здесь понимается устойчивое пространство согласования интересов, где участники регулярно обсуждают повестку, уточняют обязательства, корректируют правила и оценивают результаты. Платформа отличается от эпизодической встречи наличием повторяемых процедур и каналов коммуникации. В случае, если такие процедуры институционализируются, то сотрудничество получает шанс пережить смену политической конъюнктуры. При отсутствии правил, взаимодействие остается ситуативным и быстро теряет управляемость.

Цель статьи состоит в определении причин актуализации практик сотрудничества вне универсальных политических институтов в контексте современного политического процесса.

Объект исследования – современный политический процесс.

Предмет исследования – механизмы сотрудничества и взаимодействия политических акторов.

Методологическую основу исследования составляют сравнительный анализ, элементы институционального подхода, процессный анализ и типологизация. Сравнительный анализ позволяет сопоставлять разные форматы взаимодействия: многосторонние институты, минилатеральные коалиции, сетевые формы управления и гибридные платформы. Институциональный подход используется для оценки правил, процедур и ограничений,

влияющих на устойчивость сотрудничества. Процессный анализ позволяет рассмотреть «коллаборацию через последовательность этапов: появление запроса на координацию, формирование состава участников, согласование повестки, распределение ролей, реализация решений и корректировка механизмов» [8].

Степень научной разработанности. Научная литература, посвящённая коллаборационным практикам, сформировалась на пересечении исследований публичного управления, международных отношений, сетевого взаимодействия и институциональной теории. Одним из базовых направлений в данной области стала концепция collaborative governance. К. Анселл и Э. Гэш определяют коллаборационное управление «как формат, в котором публичные органы вовлекают негосударственных участников в коллективное принятие решений, ориентированное на достижение согласованного результата» [9]. Данный подход имеет существенное значение для анализа политического процесса, поскольку позволяет выявить зависимость сотрудничества от институционального дизайна, уровня доверия между участниками, установленных правил взаимодействия и качества посредничества.

К. Эмерсон, Т. Набатчи и С. Балох разработали интегративную модель collaborative governance, в рамках которой «особое внимание уделяется системному контексту, режиму взаимодействия и динамике совместных действий» [10]. Предложенный авторами подход позволяет рассматривать коллаборацию как процесс, характер которого определяется исходными условиями, мотивацией участников, лидерством, уровнем взаимного доверия, процедурной легитимностью и способностью сторон переходить от обсуждения проблем к практической реализации принятых решений. Особое значение в данной модели приобретает вопрос о причинах обращения участников к коллаборационным механизмам. Потребность в них, как правило, возникает при наличии проблемы,

решение которой выходит за пределы возможностей отдельной организации или одного уровня управления.

Существенный вклад в разработку представления о коллаборации как способе решения многосторонних проблем, участники которых располагают различающимися интересами и ресурсами, внесла Б. Грей. В её трактовке «коллаборация возникает при взаимозависимости сторон: ни одна из них не располагает достаточными возможностями для самостоятельного преодоления проблемы, тогда как действия каждого участника способны повлиять на общий результат» [11]. Подобная логика применима к современному политическому процессу, в рамках которого достижение результата нередко зависит от согласования действий государств, международных организаций, бизнеса, экспертных сетей и общественных структур.

Значительное место в исследованиях международных отношений занимает литература, посвящённая минилатерализму. Дж. Панда и Дж. Дж. Парк рассматривают минилатеральные форматы «как гибридные модели глобального управления, востребованные при ограниченной результативности широких многосторонних механизмов» [14]. Э. Морет, в свою очередь, характеризует «малые коалиции как инструмент повышения действенности европейской политики безопасности, особенно в ситуациях, когда универсальные механизмы перегружены или политически заблокированы» [12]. Рассмотренные работы позволяют объяснить востребованность малых форматов в оборонной, технологической и климатической политике, а также в сфере обеспечения региональной безопасности.

Российская научная дискуссия по смежной проблематике представлена исследованиями публичной дипломатии, гуманитарного взаимодействия, применения информационных технологий в политическом управлении и использования

диаспоральных каналов коммуникации. В коллективной монографии под редакцией М. М. Лебедевой публичная дипломатия определяется как «совокупность официальных и общественных каналов взаимодействия, включая негосударственные и цифровые инструменты» [6]. М. Б. Алборова и М. И. Савченкова рассматривают «диаспоральную дипломатию как ресурс внешнеполитического и гуманитарного взаимодействия» [1]. В. А. Зимин и А. В. Калакутский раскрывают роль информационных технологий в политическом управлении, в то время как А. В. Соколов и О. Е. Комаров исследуют возможности цифровых платформ для организации обратной связи и вовлечения участников в процессы взаимодействия [4; 7].

Часть исследований рассматривает коллаборацию через призму «мягкой силы» и гуманитарного сотрудничества. Такой подход полезен для анализа каналов доверия, образовательных обменов, культурных программ и экспертных сетей. Вместе с тем, стоит отметить, что при этом он не охватывает весь спектр коллаборационных практик. Современные коллаборации функционируют в сферах безопасности, инфраструктуры, оборонной промышленности, цифровой экономики, финансового регулирования и кризисного управления, следовательно их анализ требует более широкой рамки, чем традиционное описание публичной дипломатии или гуманитарного присутствия. Несмотря на наличие значительного количества исследований на указанную тематику, сохраняется методологическая проблема. Авторы часто анализируют отдельные кейсы: минилатеральные союзы, экспертные сети, публичную дипломатию, цифровые платформы или региональные партнерства, однако в результате коллаборация выглядит набором разрозненных примеров [2; 6]. Для более же точного анализа необходимо связать причины появления таких практик, состав участников, предмет взаимодействия, правила

координации и критерии результата. В данной статье используется именно такая логика: от причин возникновения коллаборации к ее функциям, механизмам, региональным проявлениям и ограничениям.

Результаты исследования. Коллаборации в современном политическом процессе появились как ответ на несколько взаимосвязанных изменений. В частности, первое изменение связано с процедурной перегрузкой традиционных многосторонних институтов. Международные организации сохраняют нормативный и дипломатический вес, однако их способность быстро вырабатывать решения может снижаться в условиях острой конкуренции интересов: чем шире состав участников, тем труднее добиться согласованной позиции. Особенно заметно это в вопросах безопасности, санкционной политики, гуманитарного реагирования, климата и технологического регулирования. Второе изменение связано с усложнением состава политических акторов: так, к государствам и межправительственным организациям добавились структуры, которые прямо влияют на реализацию решений: крупные корпорации, банки развития, экспертные группы, неправительственные организации, университеты, региональные администрации, профессиональные ассоциации, медиаплощадки. Указанные акторы не всегда обладают формальным политическим мандатом, но контролируют ресурсы, знания, инфраструктуру или коммуникационные каналы, поэтому современная политика все чаще требует согласования между официальными и неофициальными участниками.

Третье изменение определяется наличием трансграничных и межсекторных проблем: например, кибербезопасность зависит от технических стандартов, корпоративной инфраструктуры и государственных решений, механизмы цепочек поставок требуют активного вовлечения бизнеса, портовой инфраструктуры,

логистических операторов, финансовых институтов и органов власти, гуманитарное реагирование невозможно без местных сообществ, международных организаций, доноров, фондов и информационных посредников. В подобных условиях коллаборация становится способом собрать необходимые ресурсы в конкретной конфигурации. Кроме того, коллаборационные практики используются, в том числе, из-за дефицита управляемости, возникающего, когда проблема требует оперативного решения, а имеющиеся институты не дают достаточной скорости, гибкости или полноты участия.

Функциональное назначение коллабораций состоит в решении нескольких взаимосвязанных задач: преобразовании разрозненных интересов в согласованную повестку, распределении ролей между участниками, объединении экспертных, финансовых, организационных и политических ресурсов, формировании каналов доверия, создании процедур мониторинга и корректировке совместных действий с учётом меняющихся условий. В отличие от обычного обмена мнениями, коллаборация предполагает непосредственную связь между коммуникацией и последующей деятельностью, поскольку взаимодействие участников ориентировано на достижение практического результата, а не ограничивается фиксацией их позиций. На уровне политического процесса данное свойство приобретает особое значение. Коллаборационные практики позволяют государствам и другим акторам использовать механизм взаимодействия, занимающий промежуточное положение между жёстким союзом и разовой консультацией, благодаря чему участники могут сохранять необходимую автономию и одновременно участвовать в реализации совместных проектов. Такой формат представляет особый интерес для средних держав, стремящихся расширить свои возможности посредством участия в нескольких конфигурациях сотрудничества.

Для крупных держав коллаборация служит способом распределения нагрузки, привлечения партнёров и расширения нормативного воздействия без установления прямого институционального контроля.

Коллаборационные конструкции обладают рядом устойчивых признаков. Прежде всего, они формируются вокруг конкретной проблемы, решение которой требует участия нескольких акторов. Кроме того, коллаборация предполагает функциональное распределение ролей: один участник обеспечивает политическую поддержку, другой предоставляет экспертную базу, третий отвечает за финансирование, а четвёртый организует коммуникацию или практическую реализацию принятых решений. Устойчивость подобных практик также зависит от наличия согласованных правил взаимодействия. При отсутствии процедур принятия решений, мониторинга и корректировки совместных действий даже формально оформленное партнёрство способно быстро приобрести декларативный характер. Содержательно «коллаборация отличается от простой кооперации большей плотностью взаимодействия: она предполагает общую повестку, распределение ответственности, повторяемость коммуникации и зависимость результата от вклада нескольких сторон» [9; 10; 16]. В связи с этим в тематических исследованиях значительное внимание уделяется уровню доверия, установленным процедурам, исходным условиям взаимодействия, качеству лидерства и способности участников переходить от обсуждения проблем к согласованным практическим действиям.

К числу наиболее распространённых механизмов коллаборационных практик относятся создание коммуникативной площадки, согласование минимального набора целей, определение состава участников, распределение ресурсов, закрепление процедур взаимодействия и оценка достигнутых результатов. На первоначальном этапе формируется запрос на совместное действие,

обусловленный кризисной ситуацией, институциональной блокировкой, нехваткой ресурсов или необходимостью оперативного реагирования. Затем определяется круг участников, обладающих достаточной заинтересованностью, компетенциями и ресурсами для решения поставленной задачи. Следующий этап связан с формированием общей рамки взаимодействия, включающей предмет сотрудничества, допустимые инструменты, ожидаемые результаты и пределы ответственности сторон. После этого коллаборация переходит в рабочую фазу, в рамках которой используются конкретные процедуры: регулярные встречи, обмен данными, деятельность рабочих групп, подготовка экспертных заключений, механизмы финансирования, разработка совместных документов, согласование технических стандартов, реализация программ подготовки кадров и координация действий в кризисной ситуации.

Устойчивость подобных механизмов определяется способностью участников поддерживать взаимодействие после ослабления первоначального политического импульса. Многие форматы прекращают существование вследствие смены руководства, пересмотра внешнеполитического курса или выполнения исходной задачи. Более устойчивые платформы сохраняются благодаря институциональной памяти, регулярному финансированию, экспертному сопровождению и понятной для участников системе распределения выгод.

В современном политическом процессе можно выделить несколько основных типов коллаборационных практик. К первому относятся межгосударственные минилатеральные форматы, объединяющие ограниченное число стран для решения конкретных задач в сферах безопасности, инфраструктуры, критических технологий, логистики, климатической политики или финансовой устойчивости. Второй тип представлен гибридными платформами, в

рамках которых государства взаимодействуют с бизнесом, экспертными структурами, университетами, фондами и неправительственными организациями. Третий тип образуют сетевые экспертно-политические сообщества, разрабатывающие рекомендации, продвигающие стандарты, поддерживающие каналы доверия и подготавливающие решения для официальных институтов. К четвёртому типу относятся проектные партнёрства, создаваемые для реализации конкретной программы, инициативы или решения кризисной задачи [2; 15; 16].

Минилатерализм занимает особое место среди этих форматов. Его распространение связано с тем, что малые группы быстрее согласовывают позиции и легче достигают практического результата. М. Наим связывал «минилатеральную логику с поиском минимального числа участников, достаточного для решения конкретной проблемы» [13]. Российские исследования также подчеркивают «сочетание оперативности малых форматов с рисками ограниченной представительности и неустойчивости обязательств» [5]. В таком подходе определяющее значение имеет состав группы: в нее должны входить акторы, без которых решение останется неполным или технически невыполнимым. Широкая репрезентация в данном случае уступает место функциональной достаточности.

Дж. Панда и Дж. Дж. Парк рассматривают «минилатерализм как гибридную модель глобального управления, возникающую на фоне ограниченной эффективности универсальных институтов» [14]. Малые форматы позволяют ускорить реагирование на новые вызовы, сократить издержки согласования и преодолеть политические блокировки. Их преимущества наиболее заметны в сферах, требующих оперативного принятия решений, включая оборонные технологии, морскую безопасность, устойчивость цепочек поставок, киберстандарты и защиту критической инфраструктуры. Э. Морет связывает «востребованность малых

коалиций с необходимостью повышения результативности европейской политики безопасности в условиях институциональных ограничений» [12].

Минилатеральные форматы целесообразно оценивать исходя не только из числа участников, но и из лежащей в их основе функциональной логики. Подобные объединения создаются для решения ограниченного круга задач, в отношении которых участники обладают совпадающими интересами или взаимодополняющими ресурсами. Их назначение состоит в выработке практического решения, апробации нового стандарта, согласовании оперативных мер или укреплении взаимного доверия. Распространение таких форматов обусловлено их способностью сокращать разрыв между потребностью в совместном действии и медленным темпом принятия решений в крупных институтах. Вместе с тем «такие форматы имеют и отличительные только для них риски: узкий состав участников может снижать легитимность решений; добровольный характер обязательств осложняет контроль исполнения; отсутствие развитого секретариата или постоянной бюрократии ослабляет институциональную память. Описанные ограничения не отменяют полезности минилатеральных практик, но требуют осторожной оценки их роли в глобальном и региональном управлении» [5; 12; 15].

Платформизация выступает второй заметной тенденцией развития коллаборационных механизмов. Политическая платформа представляет собой устойчивое пространство, где участники регулярно согласуют интересы, корректируют правила и обсуждают результаты. Она может иметь цифровую инфраструктуру, экспертный секретариат, рабочие группы, проводить ежегодные встречи или иметь аналогичные проектные механизмы. Ценность подобной структуры состоит в повторяемости взаимодействия, т.к. при наличии платформы сотрудничество перестает зависеть только

от разового политического импульса и получает вполне конкретную организационную форму. Платформенные структуры особенно заметны в сферах, где требуется постоянное обновление данных и согласование стандартов. Кибербезопасность, регулирование цифровых технологий, противодействие дезинформации, климатические проекты, энергетический переход и контроль цепочек поставок требуют регулярного обмена информацией. Участники должны постоянно корректировать подходы, уточнять риски, сопоставлять данные и согласовывать новые меры, в связи с чем, институционализированная платформа становится инструментом поддержания управляемости в динамичной среде [16].

Гибридизация представляет еще одну важную тенденцию. Современные коллаборации редко ограничиваются только государственными участниками, имея в своем составе корпорации, банки развития, исследовательские центры, университеты, гуманитарные организации, отраслевые ассоциации и т.д. Подобная конфигурация возникает по вполне понятным причинам: государство может обладать мандатом, но не всегда контролирует технологическую инфраструктуру, экспертные данные, логистические цепочки или коммуникационные каналы. Негосударственные же участники восполняют этот дефицит, хотя их включение одновременно порождает вопросы подотчетности и политического контроля.

Следующей тенденцией можно отметить секторализацию, т. к. коллаборационные механизмы все чаще формируются вокруг узких сфер, например, полупроводников, критических минералов, зеленой энергетики, гуманитарной помощи, морской безопасности, транспортных коридоров, цифровых стандартов, биобезопасности и т.д. Направленность на конкретную сферу или отрасль делает взаимодействие более предметным: участники заранее понимают,

какие ресурсы требуются, какие ведомства и эксперты должны быть включены, какие результаты можно измерить. Секторальные форматы меньше зависят от общей политической риторики и лучше приспособлены к технической реализации решений.

Сетевизация усиливает все перечисленные тенденции, выражаясь в организации политического взаимодействия посредством множества пересекающихся каналов: один и тот же актор может участвовать в нескольких форматах, занимая разные роли. Государство может быть членом крупной международной организации, участником малой коалиции, донором проектной платформы и партнером экспертной сети. Такая множественность «расширяет возможности маневра, одновременно усложняя координацию за счет возникновения риска дублирования инициатив, конкуренции повесток и распыления ресурсов» [16].

Практическое значение коллабораций хорошо прослеживается в сфере обеспечения международной безопасности. Традиционные союзы продолжают сохранять свое значение, однако многие задачи требуют более гибких конфигураций. Морская безопасность, киберугрозы, защита подводных коммуникационных кабелей, устойчивость оборонных цепочек поставок и развитие новых технологий предполагают участие стран и структур, обладающих конкретными возможностями. В Азиатско-Тихоокеанском регионе получили распространение Quad, AUKUS и другие малые форматы, «позволяющие участникам быстрее согласовывать действия по ограниченному кругу задач, чем в широких многосторонних структурах» [5; 14].

Quad ярко демонстрирует политическую логику минилатеральной коллаборации, объединяя в своем формате такие страны как США, Японию, Индию и Австралию, имеющих своей целью совместно разрешить волнующие их вопросы региональной безопасности, морского порядка, технологий и устойчивости

цепочек поставок. Блок не имеет структуры классического военного союза, но создает регулярный канал согласования позиций между ключевыми странами Азиатско-Тихоокеанского региона, устойчивость которого зависит от совпадения интересов в отношении регионального баланса, а также от способности участников согласовывать различия в своих подходах к политике Китая, свободе судоходства, инфраструктурным проектам и оборонной координации. Блок AUKUS отражает более технологическую и ориентированную на совместную оборону коллаборационную модель. Соглашение США, Великобритании и Австралии связано с развитием военно-технологического сотрудничества, включая строительство атомных подводных лодок для Австралии, совместное развитие подводных технологий, искусственного интеллекта, кибервозможностей и оборонных инноваций. Описанный формат показывает, что современные коллаборации могут объединять стратегическое сдерживание, промышленную кооперацию, трансфер технологий и долгосрочное планирование. Одновременно AUKUS «вызвал обеспокоенность ряда государств региона из-за риска усиления гонки вооружений и изменения баланса безопасности» [14].

В Ближневосточном регионе коллаборационные практики развиваются несколько иначе. В частности, малые форматы часто формируются вокруг ситуативных осей влияния, энергетических интересов, военного сотрудничества и отношений с внешними акторами. Регион отличается высокой степенью конфликтности и слабостью инклюзивных институтов, в результате чего государства чаще выстраивают прагматичные партнерства по конкретным направлениям: противодействие региональному сопернику, координация в сфере безопасности, энергетическая политика, нормализация отношений, инфраструктурные и инвестиционные проекты. Такие форматы «редко имеют устойчивую нормативную

основу», но позволяют участникам быстро реагировать на изменение баланса сил [15].

Европейский регион демонстрирует отличную логику. Здесь минилатеральные и коллаборационные механизмы развиваются рядом с плотной институциональной средой, образованной такими метасоюзами, как ЕС и НАТО. Появление коллаборационных структур связано с необходимостью ускорить оборонную координацию, развивать совместные проекты, укреплять региональную безопасность и распределять нагрузку между участниками, примером могут выступить Объединенные экспедиционные силы, Европейская инициатива вмешательства, Северное оборонное сотрудничество, проекты в рамках PESCO. Перечисленные форматы показывают, что коллаборация может развиваться внутри уже существующей институциональной архитектуры, выполняя функцию дополнительного уровня координации. Применительно к описанному кейсу, для Европы важна связь коллаборационных практик с оборонно-промышленной политикой. Совместные проекты позволяют объединять финансовые, технологические и производственные возможности государств, которым по отдельности трудно поддерживать полный спектр оборонных компетенций. В таких условиях коллаборация становится способом снизить дублирование расходов, ускорить разработку новых систем и укрепить совместимость вооруженных сил. Одновременно «сохраняется риск конкуренции между национальными промышленными интересами, разными стратегическими культурами и различным восприятием угроз» [12].

Экономическое измерение коллаборационных структур связано с развитием инфраструктуры, финансовым взаимодействием, инвестиционной деятельностью и обеспечением устойчивости цепочек поставок. Региональные банки развития, специализированные фонды, торговые соглашения и проектные

платформы позволяют участникам решать задачи, требующие долгосрочного финансирования, согласования интересов и сложной технической координации. В рамках подобных форматов «коллаборация выполняет функцию распределения затрат и рисков, помогает согласовывать стандарты, отбирать приоритетные направления и связывать политические цели с экономическими инструментами» [2; 15].

Гуманитарное и экспертное измерение коллаборации обладает иной спецификой, поскольку основное значение здесь приобретают доверие, устойчивость каналов коммуникации, деятельность профессиональных сообществ и способность сохранять взаимодействие в условиях политической напряжённости. Университеты, экспертные центры, фонды, культурные организации, диаспоральные структуры и гуманитарные институты могут поддерживать связи в тех случаях, когда возможности официальной дипломатии оказываются ограниченными. Подобные практики «не всегда дают быстрый политический результат, однако формируют среду для обмена знаниями, снижения взаимного недоверия и подготовки будущих решений» [1; 6].

Таким образом, коллаборационные структуры формируются для решения задач, требующих объединения различных ресурсов и согласования нескольких уровней управления. Их распространение обусловлено конкретными ограничениями современной политики, к числу которых относятся перегруженность универсальных институтов, межсекторный характер проблем, дефицит доверия, распределённость компетенций и стремление акторов сохранять гибкость. По мере усложнения политической среды возрастает востребованность форматов, способных в относительно короткие сроки объединить участников вокруг ограниченной задачи и обеспечить переход от обсуждения к согласованным действиям.

Вместе с тем оценка коллаборационных практик предполагает учёт присущих им ограничений. Один из основных рисков связан с фрагментацией политической повестки: увеличение числа минилатеральных форматов, ориентированных на решение сходных задач, повышает вероятность дублирования программ, конкуренции инициатив и распыления ресурсов. Наиболее отчётливо данная проблема проявляется в сферах морской безопасности, климатической политики, критических технологий и инфраструктурного развития. Один и тот же участник может одновременно входить в несколько площадок, в рамках которых рассматриваются близкие вопросы, но действуют различные правила и политические рамки. В результате возрастает нагрузка на дипломатические, экспертные и финансовые ресурсы участников.

Еще один риск связан с подотчетностью: крупные международные организации обычно имеют свои уставные документы, постоянные органы, прозрачные процедуры отчетности и публичные механизмы контроля. Вместе с тем, малые коллаборационные форматы часто действуют через простые совместные заявления, меморандумы, рабочие группы и политические договоренности, что как раз-таки ускоряет взаимодействие, но и затрудняет оценку результатов. Возникает реальная проблема оценки результата: трудно определить, какие решения были реально исполнены, какие ресурсы выделены, какие обязательства сохранены после смены политического руководства.

Стоит отметить и риск, связанный с асимметрией участников: коллаборация предполагает согласование интересов, но участники крайне редко обладают равными ресурсами. Более сильный актор может задавать повестку, контролировать финансирование, определять стандарты и навязывать темп взаимодействия. Формально формат может выглядеть партнерским, но фактически он способен закреплять зависимость слабых участников от более

сильных, в связи с чем анализ коллаборационных практик должен учитывать распределение выгод, структуру влияния и степень автономии каждой из сторон. Кроме того, многие коллаборационные форматы появляются под конкретный кризис, инициативу лидера или краткосрочный политический импульс. После изменения внешней среды они теряют актуальность. Например, смена правительства, ухудшение двусторонних отношений, бюджетные ограничения или изменение стратегических приоритетов могут быстро разрушить даже перспективную площадку. Устойчивыми становятся те форматы, где есть повторяемость процедур, понятная система выгод, институциональная память, экспертное сопровождение и практический результат. При всем этом слабые стороны коллаборационных структур не отменяют их востребованности. Их конкурентное преимущество состоит в способности быстро собирать участников вокруг задачи и переходить к рабочему взаимодействию. В политической среде с высокой неопределенностью «это дает значимый управленческий эффект» [11].

С точки зрения внутренней структуры коллаборационная структура формируется через несколько этапов. Первый этап – проблематизация, на котором участники признают наличие задачи, которую трудно решить в одиночку или в рамках существующего института. Второй этап – формирование состава, когда происходит определение категорий акторов, подлежащих включению и обладающие ресурсами, компетенциями или политической заинтересованностью. Третий этап – согласование рамки взаимодействия: целей, правил, процедур, сроков, каналов коммуникации. Четвертый этап – реализация совместных действий. Пятый этап – оценка результата и корректировка правил. Нарушение этой последовательности снижает устойчивость формата – в этом

смысле коллаборация требует организационной дисциплины, так как гибкость сама по себе не гарантирует эффективности, ведь для результата нужны понятные процедуры, распределение ответственности, минимальная прозрачность и способность участников фиксировать достигнутые договоренности. В случае же, если эти элементы отсутствуют, коллаборационная практика превращается в символическое взаимодействие, создавая видимость активности, но не выражая управленческого эффекта.

Перспективы развития коллаборационных механизмов связаны с несколькими тенденциями:

– дальнейшая минилатерализация, – государства будут чаще создавать малые форматы под конкретные задачи, особенно в сфере безопасности, технологий, энергетики, логистики и критических ресурсов;

– рост платформенной координации, – реально создаваемые площадки с рабочими группами, экспертными каналами и механизмами оценки станут более востребованными, чем разовые политические заявления;

– усиление гибридного состава участников, – в политическое взаимодействие будут глубже вовлекаться бизнес, университеты, экспертные структуры, фонды и профессиональные сообщества;

– секторальная специализация, – коллаборационные практики будут чаще формироваться вокруг конкретных сфер: ИИ, кибербезопасность, критические минералы, продовольственная устойчивость, биобезопасность, морская инфраструктура, энергетический переход, так как подобная специализация повышает шанс практического результата, поскольку участники заранее понимают предмет сотрудничества и необходимые для вложения ресурсы;

– конкуренция платформ, – чем больше коллаборационных форматов возникает в одной сфере, тем сильнее потребность в их

координации, без такой координации растет риск дублирования и перегрузки повестки.

Выводы. Проведённый анализ позволяет связать распространение коллабораций со структурными изменениями современного политического процесса. Традиционные многосторонние институты всё чаще сталкиваются с перегрузкой, число вовлечённых в принятие решений акторов растёт, а сами проблемы приобретают межсекторный характер. Одновременно ресурсы и компетенции оказываются распределены между несколькими центрами влияния. В подобной ситуации односторонние действия обычно дают ограниченный результат, тогда как универсальные институты далеко не всегда обеспечивают требуемую скорость реагирования. Возникающий между потребностью в действии и возможностями существующих институтов разрыв во многом и заполняют коллаборационные механизмы.

Их основное назначение заключается в организации совместной работы по вопросам, решение которых невозможно силами одного субъекта. Коллаборационные структуры позволяют согласовать интересы, распределить роли и ответственность, объединить ресурсы, сформировать каналы доверия и выработать общие стандарты. Существенно и то, что взаимодействие в их рамках не ограничивается обсуждением: оно ориентировано на последующую реализацию принятых решений. В политическом процессе такие структуры занимают промежуточное положение между официальными союзами, международными организациями и разовыми консультациями. Именно такая институциональная гибкость делает их востребованными среди крупных и средних держав, международных организаций, экспертных сетей, бизнеса и гуманитарных структур.

В развитии коллаборационных практик прослеживается несколько устойчивых тенденций. Распространение малых форматов, создаваемых для решения конкретных задач, отражает процесс минилатерализации. Платформизация выражается в формировании постоянных пространств для регулярного согласования позиций и действий. Расширение участия негосударственных акторов придаёт взаимодействию гибридный характер. Одновременно сотрудничество всё чаще сосредоточивается на отдельных направлениях – безопасности, технологиях, климате, инфраструктуре, финансах и гуманитарном реагировании. Усиливается и сетевой характер взаимодействия: разные каналы и форматы пересекаются, предоставляя участникам дополнительные возможности для политического манёвра.

Одним из наиболее заметных проявлений этой логики стал минилатерализм. Интерес к малым форматам объясняется стремлением сократить издержки согласования и сформировать состав участников, достаточный для решения поставленной задачи. Такие объединения позволяют быстрее реагировать на кризисные ситуации, согласовывать стандарты, реализовывать оборонно-технологические проекты, укреплять цепочки поставок и координировать меры в сфере региональной безопасности. Особенно отчётливо их распространение наблюдается в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Европе и на Ближнем Востоке. Вместе с тем причины появления подобных форматов и конкретное содержание сотрудничества заметно различаются в зависимости от регионального контекста.

Платформенные и сетевые формы коллаборации поддерживают регулярность взаимодействия за счёт рабочих процедур, экспертных каналов, специализированных групп и механизмов пересмотра решений. Без этих элементов сотрудничество, как правило, быстро утрачивает практическое содержание. Особое значение они

приобретают в сферах, где ситуация меняется быстрее, чем успевают адаптироваться традиционные процедуры: в кибербезопасности, цифровом регулировании, климатической политике, энергетике, защите критической инфраструктуры и гуманитарном реагировании. Устойчивость таких платформ определяется уровнем доверия между участниками, наличием финансирования, сохранением институциональной памяти и ясным распределением ответственности.

Результативность коллаборационных практик зависит от вполне конкретных условий. Задача должна быть сформулирована достаточно чётко, состав участников – соответствовать её характеру, а правила взаимодействия оставаться понятными для всех сторон. Не меньшее значение имеют распределение ролей, регулярная коммуникация, заранее определённые критерии результата и возможность корректировать решения по мере изменения ситуации. При соблюдении этих условий коллаборация становится действенным способом адаптации политического процесса к более сложной среде. При отсутствии необходимых процедур она легко приобретает декларативный характер: встречи и совместные заявления продолжаются, но заметного управленческого результата не возникает.

Дальнейшие перспективы коллаборационных практик будут зависеть от того, удастся ли совместить гибкость таких форматов с подотчётностью участников. Потребность в них, вероятно, сохранится, поскольку международная и внутриполитическая повестка усложняется, а универсальные институты по-прежнему ограничены длительными и громоздкими процедурами. Наиболее вероятным направлением развития становится сочетание форматов, действующих с разной скоростью. Широкие институты будут определять общие нормы и рамки легитимации, тогда как малые и гибридные платформы сосредоточатся на практическом выполнении

отдельных задач. Подобное сочетание способно ограничить фрагментацию и одновременно сохранить прикладную ценность коллаборационных механизмов.

В целом результаты исследования позволяют рассматривать коллаборационные практики как устойчивый элемент современного политического процесса. Их развитие обусловлено необходимостью решать проблемы, которые выходят за пределы компетенции одного актора и требуют соединения различных ресурсов. Практическая функция коллаборации заключается в создании рабочих механизмов совместного действия. Дальнейшая устойчивость таких механизмов будет определяться качеством процедур, доверием между участниками, способностью фиксировать достигнутые результаты и готовностью соотносить деятельность узких форматов с более широкой архитектурой глобального и регионального управления.

Список литературы

1. Алборова М. Б., Савченкова М. И. Диаспоральная дипломатия как элемент политики «мягкой силы» России (практика города Москвы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24. Вып. 2. С. 215-222. DOI: 10.18500/1818-9601-2024-24-2-215-222.

2. Близнецкая Е. А. Информальные структуры и диалоговые форматы в международном климатическом управлении // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 2. С. 82-105. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-02-05.

3. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровизация пространства современной политики в условиях глобальных технологических трансформаций: актуальные научные подходы, модели и сценарии // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2022. № 2. С. 46-57.

4. Зимин В. А., Калакутский А. В. Информационные технологии в политическом управлении // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2024. Т. 47. С. 20-31. DOI: 10.26516/2073-3380.2024.47.20.

5. Коневских О. В. Минилатерализм: понятие, основные преимущества и недостатки такого вида сотрудничества // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 2. С. 23-27.

6. Публичная дипломатия: теория и практика / Е. А. Антюхова [и др.]; под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. 270 с.

7. Соколов А. В., Комаров О. Е. Цифровые платформы обратной связи // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2021. Т. 36. С. 26-37. DOI: 10.26516/2073-3380.2021.36.26.

8. Соловьев А. И. «Государственное управление» и «управление государством»: конфликты концептов и практик // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т. 16. № 2. С. 39-48.

9. Ansell C., Gash A. Collaborative Governance in Theory and Practice // Journal of Public Administration Research and Theory. 2008. Vol. 18. No. 4. P. 543-571. DOI: 10.1093/jopart/mum032.

10. Emerson K., Nabatchi T., Balogh S. An Integrative Framework for Collaborative Governance // Journal of Public Administration Research and Theory. 2012. Vol. 22. No. 1. P. 1-29. DOI: 10.1093/jopart/mur011.

11. Gray B. Collaborating: Finding Common Ground for Multiparty Problems. San Francisco: Jossey-Bass, 1989. 329 p.

12. Moret E. Effective Minilateralism for the EU: What, When and How. Paris: European Union Institute for Security Studies, 2016. Brief No. 17.

13. Naím M. Minilateralism: The Magic Number to Get Real International Action // Foreign Policy. 2009. 21 June. URL: https://foreignpolicy.com/2009/06/21/minilateralism/ (accessed: 17.07.2026).

14. Panda J., Park J. J. Minilateralism and Global Governance: Effectiveness of Hybrid Models // Australian Journal of International Affairs. 2024. Vol. 78. No. 6. P. 929-943. DOI: 10.1080/10357718.2024.2409362.

15. Patrick S. The New “New Multilateralism”: Minilateral Cooperation, but at What Cost? // Global Summitry. 2015. Vol. 1. No. 2. P. 115-134. DOI: 10.1093/global/guv008.

16. Provan K. G., Kenis P. Modes of Network Governance: Structure, Management, and Effectiveness // Journal of Public Administration Research and Theory. 2008. Vol. 18. No. 2. P. 229-252. DOI: 10.1093/jopart/mum015.

***Мазур Оксана Геннадьевна**, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления, ЛГУ им. В. Даля, г. Луганск, Луганская Народная Республика, Российская Федерация.*
***SPIN-код:** 7378-7264*
***E-mail:** oksanamazur1974@gmail.com*

***Ефименко Анастасия Михайловна**, аспирант, ассистент кафедры государственного управления, ЛГУ им. В. Даля, г. Луганск, Луганская Народная Республика, Российская Федерация.*
***SPIN-код:** 9700-7083*
***E-mail:** nastyusha.yefimenko@mail.ru*

Mazur O.G., Efimenko A.M.

COLLABORATION PRACTICES IN THE MODERN POLITICAL PROCESS: TRENDS AND PROSPECTS

The article examines the essence of collaboration practices in the modern political process as a specific form of coordination among political actors under conditions of multi-actor participation and institutional complexity. It analyzes the features of collaboration practices depending on their type, subject matter, and composition of participants. The study identifies both common mechanisms of their formation, including the creation of communicative spaces, the coordination of interests, and the distribution of resources, and their specific characteristics. Particular attention is paid to the main trends in the development of collaboration practices, such as minilateralization, platformization, hybridization, sectoralization, and the growing role of network-based interaction mechanisms.

***Key words:** collaboration practices, political process, collaborative platforms, minilateralism, multi-actor participation, political interaction, network mechanisms.*

***Mazur Oksana Gennadievna**, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Public Administration, Vladimir Dahl Lugansk State University, Lugansk, Lugansk People's Republic, Russian Federation.*
***SPIN code:** 7378-7264*
***E-mail:** oksanamazur1974@gmail.com*

***Efimenko Anastasia Mikhailovna**, postgraduate student, Assistant of the Department of the Lugansk State University named after V. Dahl.*
***PIN code:** 9700-7083*
***E-mail:** nastyusha.yefimenko@mail.ru*

Статья поступила в редакцию 02.05.2026 г.

УДК 355.426

Мазур О. Г., Юрченко О. А.

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье исследуется феномен региональной политической идентичности с позиции политологического анализа. Определены основные теоретико-методологические и концептуальные подходы к исследованию указанного феномена. Конкретизированы основные проблемы в исследовании региональной идентичности как категории политической науки.

Ключевые слова: *идентичность; национальная идентичность; региональная идентичность; политический процесс.*

Актуальность темы. Социальные и политические противоречия современного общества, неопределенность политических, экономических, социальных ситуаций, многообразие принципов организации политических и социальных сообществ, видов деятельности, социальных ролей и групповых норм отражаются в самосознании различных групп населения, в связи с чем отмечается трансформация устоявшихся ценностей, посредством которых человек определяет себя, собственное место в обществе. Сейчас, кризис идентичности наблюдается как на уровне самосознания отдельной взятой личности, так и в рамках определенного социального пространства.

При таких условиях, региональная идентичность становится условием структурирования территориальных сообществ, важнейшим фактором воспроизводства социальной солидарности на уровне социальных групп и тем самым влияет на развитие региона, вследствие чего возникает необходимость объяснения факторов и тенденций усиления региональной идентичности и ее мобилизационного потенциала.

Необходимость изучения феномена региональной идентичности актуализируется в условиях, когда одним из последствий трансформации общества становится регионализация пространства, сопровождаемая резким ростом регионального самосознания.

В стабильном обществе, при наличии устойчивой национальной идентичности, региональная идентичность не актуализируется в иерархии территориальных идентичностей. В обычных условиях она проявляется в формировании определенной системы ценностей и норм поведения жителей региона вне связи с этнической принадлежностью. В условиях ослабления, кризиса национальной идентичности регионально-этническая идентичность может составить ей конкуренцию и, получив политический оттенок, поставить под угрозу единство страны.

Региональная идентичность может заключаться в межрегиональных диспропорциях, в разных уровнях социально-экономического развития. Важно отметить, что при данных условиях политические требования могут выдвигать как относительно стабильные (экономически и социально) регионы, используя при этом аргумент, что они содержат более бедные регионы, так и, наоборот, относительно бедные регионы: в этом случае используется аргумент недостаточного внимания со стороны центра, недовольство политикой, которую осуществляет центральная власть в отношении данных регионов.

Современные политические процессы актуализируют исследование региональной идентичности в рамках политической науки в контексте поиска механизмов согласования интересов в мультикультурных сообществах. Систематизация научного дискурса становится первоочередной задачей исследовательского осмысления данного феномена, поэтому **целью нашей статьи** является определение региональной идентичности сквозь призму основных теоретико-методологических и концептуальных подходов в политической науке.

Предметное поле исследования мы видим в феномене идентичности.

Объектом исследования выступает современный политический процесс.

Степень научной разработанности. Исследования региональной идентичности активизируются в процессе перехода от традиционного к модерному обществу. На современном этапе развития цивилизации происходит смена современной парадигмы исследований политической идентичности на постмодернистскую. Это обуславливает ту связь, которая существует между трансформациями механизмов формирования политической идентичности и мировоззренческими сдвигами постсовременной эпохи.

Проблемы политической и региональной идентичностей в современном мире, ее теоретические и прикладные аспекты изложены в трудах зарубежных ученых: А. Арато, Б. Андерсона, Б. Белиценра, П. Бергера, З. Брандта, И. Валлерстайна, М. Вевьерки, Э. Геллнера, Э. Эриксона, К. Касториадиса, У. Коннора, Т. Лукман, Х. Росалеса, Дж. Серли, Э. Смита, С. Хантингтона, Ю. Хабермаса, Э. Хобсбаума.

Активизация исследовательских разработок феномена политической и региональной идентичности приходится на конец

1990-х начало 2000- гг. Существенный вклад в понимание, анализ процессов политической идентификации, значение политической идентичности для формирования общенациональной, гражданской идентичности внесли: А. В. Ачкасов, рассматривал влияние этнической идентичности на уровень толерантности в контексте теории политической культуры; Е. С. Крестинина; В. В. Лапкин и В. И. Пантин изучали политическую идентичность в условиях глобализации; О. Ю. Малинова разрабатывала синтетическую трактовку политики идентичности, включая её макрополитическое (формирование национальной и гражданской идентичности) и групповое (борьба за права меньшинств) измерения; В. С. Мартьянов; М. В. Назукина; О. В. Попова; П. В. Панов интересовался проблемами идентичности в рамках оценки политических практик в парадигме неоинституционализма; И. С. Семененко анализировала возможности и ограничения «политики идентичности», в том числе в макрополитическом ключе; Л. А. Фадеева и др.

Результаты исследования. Анализ региональной идентичности через призму политической науки обусловлен тем, что процессы политической идентификации реализуются в сфере практической политики. Политической наукой уже установлено, что идентичность является мощным потенциалом для консолидации людей в устойчивые группы, объединенные общими системами ценностей, схожей реакцией на социальные процессы и общей волей к социальному действию. Поскольку идентичность потенциально является основой для мобилизации общественных сил, многочисленные исследования в сфере идентичности во многом рассматривают именно проблему овладения методами воздействия на социальные группы. Например, американские политологи, со свойственной им традицией прагматизма, четко осознают практическую ценность региональной идентичности. Довольно

часто они апеллируют к ней с целью вербовки избирателей или сторонников своих политических акций, а для этого, необходимо владеть достаточными знаниями особенностей такой идентичности. Подобные особенности восприятия потребностей людей в зависимости от региональной идентичности учитываются и в отечественной практике, например, использование политтехнологами в избирательных кампаниях [5, с. 14]. Таким образом, с позиций реализации практической политики потенциал региональной идентичности является достаточно весомым.

Современные политические сообщества невозможно представить без коллективной идентичности, объединяющей индивидов и концепции «коллективного политического», на основе которой формируется ощущение духовного единства и причастности к сообществу.

В целом, идентичность эпохи модерна характеризуется следующими положениями:

- понимание национальной идентичности как естественной данности (примордиальный подход) меняется на интерпретацию идентичности как результата социально-экономического развития (модернистский подход);

- конструирование идентичности (Б. Андерсон пишет о «мнимых обществах») и представлений о ней происходит посредством внедрения единой системы образования, национального мифа, переписи населения, политических карт, музеев и др.;

- модернизация традиционного общества привела к «исчезновению мифологизации мира» (М. Вебер), господству структур рациональности во всех сферах общественной жизни. Постепенно исчезает и сакральное измерение идентичности, которая теперь формируется под влиянием социальных и политических технологий;

- становление современной идентичности связывается с развитием капиталистических отношений, науки, географических открытий и т.д. Под влиянием этих и других факторов религиозные, этнические идентификации постепенно теряют значимость;

- национальная идентичность становится основным средством социально-политической мобилизации, а образ единой нации способствует объединению общества перед лицом политических и экономических проблем.

Следует признать существование определенных теоретико-методологических проблем, возникающих в процессе рассмотрения региональной идентичности как исследовательской задачи современной политической науки. Среди них целесообразно выделить следующие:

- отсутствие четкого единства в понятии «регион». В зависимости от трактовки региона, его типа, а также способов возникновения формируются различные типы соответствующей региональной идентичности. Поэтому важно сначала определиться с тем, что понимается в исследовании под понятием «регион». Чаще всего исследователи сужают понятие «региональная идентичность», сводя его к идентичности иностранного населения, которое когда-то приехало в ту или иную страну (иммигранты и т.д.); тогда как в классическом смысле под региональной идентичностью понимается идентичность отдельных регионов страны (штатов, земель, областей, провинций и т.д.);

- отсутствие понятийного единства в терминологии (например, понятие «пространство», «сообщество» и др.), посредством которых раскрывается концепт идентичности, что приводит к многозначности категории «региональная идентичность»;

- иногда имеет место отсутствие или необработанность системы отбора регионов для апробирования результатов исследования; как результат – отсутствие валидности проведенного

исследования из-за невозможности репрезентации выборкой свойств генеральной совокупности;

- неструктурированность компаративистских парадигм и критериев для сравнения состояния и характера развития региональной идентичности в тех или иных регионах;

- неточность в определении методов сбора и обработки данных, которые должны использоваться в исследованиях в зависимости от их специфики;

- возможность использования неограниченного спектра эмпирического материала, часть из которого трудно использовать в последующих компаративистских исследованиях;

- значительное количество перспективных поднаправлений в изучении региональной идентичности, что усложняет процесс определения научных приоритетов.

Региональная и локальная идентификации служат одним из определяющих и стабилизирующих (хотя и трудно выделяемых) факторов формирования культурно-исторической и социально-территориальной общности. С точки зрения Шарля Рика, «фактор региональной идентичности является «националитарным» утверждением регионального коллектива, «голосом» региональной группы» [8, с. 212]. Региональную идентичность, по-видимому, можно считать вариантом этнической или точнее субэтнической идентичности [1, с. 115]. Значимость региональной идентичности имеет, по крайней мере, два политических последствия. Во-первых, ее наличие затрудняет осуществление стратегии этнополитической мобилизации общества. Во-вторых, делает региональные идентичности значимым политическим ресурсом, который может, в свою очередь, поставить под угрозу единство страны.

Помимо вышеупомянутых аспектов, следует выделить целый пласт проблем изучения региональной идентичности, вытекающих из опыта реализации практической политики:

1) отсутствие в научных школах консенсуса по вопросу корреляции между политикой формирования идентичности и государственной политикой в целом. Политической науке еще предстоит найти ответы на такие вопросы, как: способ реализации возможности целенаправленного формирования региональной идентичности, правомерность отнесения формирования национальной политической идентичности к перечню задач государственной политики и т.д.;

2) неоднозначность корреляции между региональной политикой государства и формированием региональной идентичности. На практике государственный центр может выступать и активно выступает инициатором создания (путем укрупнения, инкорпорации, присоединения, разделения и др.) новых регионов. Возникает вопрос: если регионы могут создаваться под влиянием государства, то может ли создаваться у этих регионов соответствующая идентичность, исходя исключительно из желаний центра? Более того, если такая идентичность все же создается, то ее последствия для политической практики не могут быть оценены однозначно положительно. На региональную идентичность влияет и ряд институциональных факторов: форма правления, тип территориально-политического устройства, политический режим [11, с. 336];

3) построение общенациональной политической идентичности на основе региональной. В современном мире далеко не все государства строят свою национальную идентичность на основе региональной, учитывая проблемы, связанные с асимметричностью, ярко выраженными межрегиональными контрастами, различным уровнем развития территорий. В этом смысле актуализируется поиск комплексных мер решения проблем: экономических – для повышения уровня развития регионов, социальных –для

сглаживания социальной напряженности, политических – для укрепления государственности и т.д. [9, с. 12];

4) место региональной идентичности в общенациональной идентичности. В данном контексте возможно формирование некоторых универсальных компонент для каждой из региональных идентичностей, которые впоследствии смогли бы стать базой для формирования общенациональной идентичности, т. е. определенного синтетического типа.

Безусловно, следует признать, феномен идентичности выступает объектом междисциплинарного анализа и становится предметом исследований с позиций не только политической науки, но и философии, социологии, юриспруденции, экономической теории, государственного управления и пр.

По мнению испанского социолога М. Кастельса, интерпретации идентичности эпохи модерна прошли три исторических этапа, глубоко связанных с эволюцией политической и экономической систем. Во-первых, идентичность, которая является основой легитимных стратегий индустриального общества. Во-вторых, «резистентная» идентичность, формирующаяся на основе презентации локальных сообществ и необходимости их признания на национальном и глобальном уровне. В-третьих, «проектная» идентичность, выступающая основой формирования индивида, как актора, действующей личности информационного общества [3, с. 38].

Основные методологические подходы к исследованию идентичности формировались на протяжении десятилетий в рамках парадигм символического интеракционализма марксизма и неомарксизма, функционализма, постструктурализма и постмодернизма.

Следует отметить, что при значительном количестве, описанных выше теоретико-методологических и практических

трудностей, в политической науке не сложилось однозначного представления об определении содержания и сущности региональной идентичности. Можно выделить несколько концептуальных подходов, среди которых особого внимания заслуживают такие, как: политико-культурный, инструменталистский, социально-конструктивистский.

Для политико-культурного подхода характерно формирование региональной идентичности на основе историко-культурных особенностей. Регион здесь воспринимается не просто как территория совместного проживания, но и как источник традиций, обычаев, культуры. В свою очередь, региональная идентичность - не просто территориальное отождествление себя с населением региона, это определенный культурно-исторический феномен, а именно: идентификация с общностью, которая в период своего формирования приобрела ряд особенностей [10, с. 18].

Основоположник теории социальной идентификации А. Тешнел писал о том, что социальные меры влияют на индивидуальный способ видения мира субъектом. Самоидентификация, выражающаяся прежде всего в отождествлении себя с общностью, представляет собой субъективную равнодействующую, основанную на объективно существующих идентификациях с признаками данной общности. Это относится к любой из составляющих социальной идентичности, особенно к региональной [2, с. 32].

Инструментализм как подход к формированию региональной идентичности отличается тем, что он формируется из идеи прикладного отношения к истории. Последнюю можно создавать и интерпретировать, исходя из интересов основного субъекта – региональной элиты, с помощью таких инструментов, как символическая политика, мифотворчество, работа над созданием и продвижением имиджа. Инструменталистский подход является очень важным механизмом разработки региональных стратегий

развития. Исследование в рамках данного направления преимущественно носят прикладной характер и часто представляют собой рекомендации по проведению политического курса в сфере политики идентичности [7, с. 17].

Идентичность в конструктивизме - это процесс интерпретации своеобразия, на основании которого происходит конституирование сообщества. Этот процесс обусловлен и поддерживается дискурсивными практиками и ритуалами, он состоит из производства территориальных границ, системы символов и институтов [4, с. 75].

Целесообразно, в данном теоретико-методологическом анализе выделить функции, которые региональная идентичность способна выполнять. Прежде всего, познавательная (когнитивная) функция, которая заключается в расширении системы знаний о регионе, формировании ощущения «малой родины», своеобразного «регионального патриотизма». Далее, коммуникативная (интегративная) функция, обеспечивающая соответствующую степень сплоченности регионального сообщества, и определяющая способы социального взаимодействия между его членами и механизмы социального взаимодействия. В то же время с ее помощью в случае необходимости (или ее имитации) выстраивается психологическая коммуникативная дистанция, отделяющая это сообщество от других. Следующая, эмоциональная функция, создает ощущение сопричастности к региональному сообществу и защищенности с его помощью от ударов судьбы. В этом же направлении действует и компенсаторная функция, роль которой оказывается определяющей в «травмированных» социумах. Инструментальная функция создает механизмы закрепления в сознании позитивной идентичности, настроенности на приоритет собственных ценностей, воспитание самоуважения. Но в такой же

степени она способна стимулировать искаженные образы других идентичностей, мегаломанию и ксенофобию [6].

Выводы. Таким образом, следует отметить, что понятие «идентичность» приобрело полипарадигмальный и междисциплинарный характер. Многообразие подходов к изучению идентичности обусловлено сложностью и многомерностью как реального феномена региональной идентичности, так и понятия, его отражающего. Зарубежные концепции идентичности невозможно полностью адекватно адаптировать к условиям отечественной действительности, потому что они основаны на других основаниях менталитета. В структуре российского научного знания представления об идентичности развиваются в контексте политической науки, психологии, социологии, философии, геополитики, регионалистики и других научных дисциплин. Теоретики едины во мнении, что идентичность социальная по происхождению, формируется в результате взаимодействия с людьми и усвоения каждым произведенного в процессе социальной коммуникации языка. В современном теоретическом анализе региональной идентичности часто отсутствуют исследования содержательных аспектов, а именно: способов соотношения внутреннего и внешнего источников развития, контекста взаимодействия индивидуального и общественного. Аналитические возможности основных научных подходов, объектом которых выступает региональная идентичность, демонстрируют, что ее можно оценивать как систему социокультурных характеристик общности, как самосознание индивида и группы, как совокупность наиболее значимых политических ориентаций. Взаимосвязь указанных определений призвана расширить и отделить одновременно «категориальные границы» и содержательную наполняемость данной политологической категории.

Список источников

1. Барт Ф. Этнические группы и социальные границы / Ф. Барт. М., 2006. 200 с.

2. Иванова Н. Л., Румянцева Т. В. Социальная идентичность: теория и практика // Н. Л. Иванова, Т. В. Румянцева. М. : Изд-во СГУ, 2009. 456 с.

3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс.; пер с англ.; под. науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУВШЭ, 2000. 608 с.

4. Косов Ю. В., Фокина В. В. Политическая регионалистика / Ю. В. Косов, В. В. Фокина. СПб.: Питер, 2009. 192 с.

5. Малинова О. Ю. Исследование политики и дискурс об идентичности / О. Ю. Малинова // Политическая наука. 2005. № 3. С. 12–17.

6. Докучаев Д.С. Региональная идентичность: понятие, структура, функции // Философия и культура. 2012. № 12. С. 15-22. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=61742 (дата обращения 15.03.2026)

7. Попова О. В. Развитие теории политической идентичности, зарубежной и отечественной политической науке / О. В. Попова // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. ИМЭМО РАН, 2011. С. 13–29.

8. Рик Ш. Феномен идентичности /Ш. Рик// Образование и социальное развитие региона. 1996. № 3–4. С. 209–215.

9. Семененко И. С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности/ С. И. Семененко // Политические исследования. 2008. № 5. С. 7–18.

10. Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей / Е. Труфанова // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13–22.

11. Цветкова М. В. Идентичность как политико-психологическая проблема / М. Цветкова // Сборник научных статей факультета политологии МГУ «SCHOLA 2009». Социология и психология политики. 2009. С. 335–338.

Мазур Оксана Геннадиевна, *д. полит. н., доцент, профессор кафедры государственного управления Луганского государственного университета им. В. Даля, г. Луганск.*
Spin-code: *7378-7264*
E-mail: *oksanamazur1974@gmail.com*

Юрченко Олеся Александровна*, аспирант, ассистент кафедры государственного управления Луганского государственного университета им. В. Даля, г. Луганск.*
E-mail: *yurchenko.oa@mail.ru*

Mazur O. G., Yurchenko O. A.

A POLITICAL SCIENCE ANALYSIS OF THE MAIN THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF REGIONAL IDENTITY

The article examines the phenomenon of regional political identity from the perspective of a political science analysis. The main theoretical, methodological and conceptual approaches to the study of this phenomenon are defined. The main problems in the study of regional identity as a category of political science are specified. The need is to study the phenomenon of regional identity is updated in an environment where one consequence of the transformation of society is regionalization space, accompanied by a sharp increase in regional identity. Relevance of the research regional identity within political science demanded by modern political process and finding mechanisms to coordinate interests in multicultural communities.

Analytical capabilities of basic scientific approaches, the object of which is the regional identity, show that it can be viewed as a system of social and cultural characteristics of the community as consciousness of the individual and the group as a collection of the most significant political orientations. The relationship of these definitions is intended to expand and separate both

"categorical boundaries" and substantial occupancy of political science category.

***Key words**: identity; national identity; regional identity; the political process.*

***Mazur Oksana Gennadievna**, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Public Administration of the Lugansk State University named after V. Dahl.*
ORCID iD 0009-0001-9927-0435
***Spin-code:** 7378-7264*
***E-mail:** oksanamazur1974@gmail.com*

***Yurchenko Olesya Aleksandrovna**, Postgraduate student, Assistant Professor of the Department of Public Administration, of the Lugansk State University named after V. Dahl.*
***E-mail:** yurchenko.oa@mail.ru*

Статья поступила в редакцию 25.03.2026.

УДК 327.82:378.014.242(045)

Мазур О.Г., Пробейголова Н.В.

ПРОГРАММЫ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОБМЕНОВ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

В статье проанализирована эффективность программ обменов и академической мобильности как средств реализации публичной дипломатии. Доказано, что обмены позволяют не терять в бесчисленных глобальных социальных контактах связи с общественностью, обмен людьми, идеями и мнениями, но действуют эффективно лишь когда позволяют участникам почувствовать открытость и честность взаимодействия с принимающей стороной. Автором проанализированы отдельные международные программы обменов между различными государствам и государственными институтами: программа Государственного департамента США и Института американистики; программа Эразмус+, которая реализуется Европейским Союзом, (Programme Countries) программы Эразмус+ и др. Делается вывод о том, что эффективность международных программ обменов коррелируется с процессом их гармонизации с внешней политикой государств. А также отмечается, что программы обменов (научных, студенческих, деятелей культуры, журналистов, государственных и общественных деятелей и т.д.) являются чрезвычайно эффективным средством реализации публичной дипломатии, результатом которой становится расширение лояльной аудитории в научно-культурном пространстве стран-участников программ.

Ключевые слова: *обмен, программы обмена, публичная дипломатия, академическая мобильность, институты по американистике, Государственный Департамент США, Бюро по делам образования и культуры Госдепа США, программа ERASMUS+.*

Актуальность. Кризисные явления в современном политическом процессе определяют приоритеты и возможности государств по достижению консенсуса. Важную роль в этом процессе играет публичная дипломатия, которая представляет собой использование различных подходов, мероприятий и технологий со стороны институтов государства и гражданского общества для осуществления взаимодействия с зарубежной аудиторией. Приоритет несиловых политических форм взаимодействия, включение в процесс обмена информацией негосударственных институций определяет публичную дипломатию одним из инструментов политики «мягкой силы». Таким образом, публичная дипломатия используется с целью влияния на внешнеполитические решения правительств других государств путем формирования или корректировки общественного мнения. В отличие от традиционной, которая ориентирована на лидеров других государств и политических деятелей, публичная дипломатия осуществляется с участием граждан других стран или общественных объединений. Как инструмент политики «мягкой силы», публичная дипломатия направлена на продвижение национальных интересов стран через убеждение и создание привлекательного образа путем вовлечения широких общественных слоев в международное общение в различных сферах.

Реализация публичной дипломатии подразумевает осуществление различных мероприятий, среди которых значимое место занимают программы обменов и академической мобильности, обладающие, на наш взгляд высокоэффективным и действенным потенциалом. Поэтому **цель данной статьи** – определение потенциала и угроз программ научно-образовательного и культурного обмена в контексте реализации публичной дипломатии как инструмента политики «мягкой силы».

Объектом исследования логично выступает современный политический процесс.

Предметом исследования мы определяем программы научно-образовательного и культурного обмена в рамках осуществления публичной дипломатии как инструмента политики «мягкой силы».

Степень научной разработанности. Центральным аспектом программ научных, культурных и образовательных обменов является непосредственное взаимодействие с личностью и психологией участников, что, безусловно, усиливает их влиятельный потенциал [6].

Программы научно-образовательных обменов, предназначенные для студентов, общественных деятелей, публичных служащих, преподавателей, относятся как к культурно-образовательной так и политико-международной сфере. Даже самый политически нейтральный обмен, например между университетами, имеет, помимо укрепления внешних связей образовательного учреждения, политическую цель или реализуется с целью развития трансграничных отношений, которые могут впоследствии привести к появлению долгосрочных результатов в политической сфере, таких как уменьшение конфликтного потенциала в различных отраслях межгосударственных отношений.

Интересным примером в данном контексте могут быть франко-германские студенческие обмены после Второй мировой войны, когда к 1997 году более пяти миллионов студентов приняли участие в программах научно-образовательного обмена, что способствовало нормализации отношений между двумя странами. Не менее заслуживающим внимания примером служат программы обмена для граждан Ирана, финансируемые частным сектором США (во избежание обвинений в политической направленности таких обменов в случае выделения средств на финансирование программы из государственного бюджета), к которым успешно привлекаются

представители искусства и других негосударственных профессиональных групп. Здесь следует отметить, что успешное достижение культурных целей этих обменов, не способствовало достижению целей политических, и отношения между двумя странами не снизили градус напряженности.

Обмены представляют собой форму международных связей с общественностью, обмена людьми, идеями и мнениями, которые, как правило, теряются в бесчисленных глобальных социальных контактах. Тем не менее, неформальные контакты имеют большое политическое значение [8].

В то время как обмены, как правило, попадают в категорию культурной дипломатии, они достаточно адаптивны, поэтому технология обменов может быть применена в различных профессиональных сферах в зависимости от цели, для которой она предназначена. Все социальные группы могут быть задействованы в обменных программах, а престижность программы определяется иерархическим уровнем профессии и профессиональных навыков.

Результаты исследования. Благоприятный политический контекст предполагает использование обменов для того, чтобы познакомить специалистов с их партнерами-политиками, для того, чтобы наладить процесс переговоров. Этот механизм может быть эффективным, когда уровень важности отношений требует постоянного внимания. В 60-70-х гг. XX в. США разработали несколько соответствующих программ в рамках национальной политики «мягкой силы» для распространения и укрепления своего влияния на европейском континенте. Соответствующим примером является взаимодействие США и стран Западной Европы, когда европейские представители впервые были приглашены в США в рамках программы Госдепартамента International Visitor Leadership Program (IVLP). Это флагманская программа профессионального обмена, которую Госдепартамент курирует совместно с партнёрской

сетью Global Ties U.S. с 1940 года. Реализация данной программы представляет собой тщательно спланированные визиты в США действующих и будущих лидеров из разных сфер: государственного управления, политики, СМИ, образования, НПО, бизнеса, искусства, международной безопасности и др. Ежегодно для участия в International Visitor Leadership Program посольства США отбирают около 4000 участников. Для них организуются встречи с профессиональными коллегами, посещения различных учреждений и мероприятий для более углубленного понимания политических, экономических и культурных особенностей американского общества. Таким образом достигается одна из основных целей публичной дипломатии – формирование у участников программы понимания страны через призму принципов, заложенных отцами-основателями, и результатов их влияния на развитие США.

В контексте распространения и укрепления своего влияния и политических приоритетов Госдепартамент США, помимо программы IVLP, поддерживает и другие программы, среди которых наиболее известными и влиятельными можно назвать:

программы обмена для студентов и недавних выпускников (например, Fulbright), которые дают возможность получить образование или провести исследовательскую работу в США;

стажировки для специалистов из разных отраслей, например Совет по международному образовательному обмену (CIEE) предлагает гибкие стажировки (6–12 недель) в самых разных областях: государственная политика, искусство, бизнес, инженерия; The Intern Group организует как очные, так и виртуальные стажировки (финансы, маркетинг, продажи, управление персоналом, наука, гостеприимство, инженерия и др.); USEH International предоставляет возможности оплачиваемых стажировок длительностью от 6 до 12 месяцев в туризме, гостиничном менеджменте, деловом администрировании, финансах, продажах,

маркетинге и IT; программы Госдепартамента США (например, Pathways Internship Program) ориентированы на сферу международных отношений: дают серьёзный опыт в дипломатической среде; Internship USA / Career Training USA - программа, которая помогает найти оплачиваемую или неоплачиваемую стажировку в американской компании; Career Training USA предлагает два формата: самостоятельный поиск работодателя и гарантированное место через спонсора;

программы профессионального развития, например Professional Fellows Program, которая даёт возможность поработать в инфраструктуре поддержки инноваций или предпринимательства: в бизнес-инкубаторах, акселераторах, венчурных фондах, бизнес-ассоциациях; Russian Business Leaders создана для молодых специалистов в бизнесе (включая стартапы и социальное предпринимательство), участники проходят стажировку, и обучаются в Джорджтаунском университете, получая сертификаты; YTILI (Young Transatlantic Innovation Leaders Initiative) является инициативой Государственного департамента США для перспективных молодых предпринимателей и предполагает интенсивную стажировку в США в составе группы из нескольких десятков участников из разных стран; стипендия Atlas Corps, которая предназначена для молодых лидеров (22–35 лет), которые хотят реализовать проекты, направленные на позитивные изменения в США.

Взаимодействие на уровне публичной дипломатии между США и странами Западной Европы расширялось благодаря появлению европейских программных инициатив и различных трансатлантических тренингов и программ профессиональных обменов, которые были разработаны в 1970-х – 1980-х годах [2]. Так, в 1974 году в рамках публичной дипломатии была разработана программа European Union Visitors Programme, реализация которой

предполагала приглашение молодых профессионалов из более чем 70 стран посетить Брюссель и встретиться с представителями институтов ЕС: депутатами Европейского парламента, членами Европейской комиссии и других структур.

Основной программой обмена ЕС в сфере образования, обучения, работы с молодёжью и спорта является Erasmus+. Она поддерживает разные форматы обмена, например:

учёба по обмену (Studies), когда студент проводит семестр, триместр или год в партнёрском вузе;

стажировка (Traineeship), предполагает практическую работу в компании или организации за границей по согласованной программе;

Erasmus Mundus Joint Masters, представляет собой обучение в магистратуре, которое ведёт консорциум университетов из разных стран;

молодёжные обмены (Youth Exchanges), предполагающие короткие выезды (от 5 до 21 дня, не считая дороги) для групп молодых людей: в формате воркшопов, дискуссий, активностей на природе.

Обмены являются двусторонне ориентированной формой публичной дипломатии, которая открывает простор для диалога и обмена альтернативными точками зрения. Обмены действуют наиболее эффективно, когда они позволяют участникам почувствовать открытость и честность взаимодействия с принимающей страной. Невозможно предсказать, как именно обмен опытом будет влиять на индивидуума, а элементы случайности и непредвиденности неизбежны. Ценность обмена для организатора и участника может не совпадать, но это не значит, что результаты могут быть плохими, они могут быть непредсказуемыми. Это касается всех видов обменов, будь-то образовательные, научные, или профессиональные.

Наиболее известным примером возможного риска при реализации программ обмена является визит Саида Кутба в США в 1948 году. Кутб, египетский государственный служащий, отправился изучать систему образования Колорадо с целью реализации реформ в своей стране. Вместо этого, его разочарование в американском обществе и «аморальный материализм» последнего поспособствовали его собственному пути к чистой форме исламского радикализма, и впоследствии он стал влиятельным лицом в движении антизападного фундаментализма [7, с. 52]. Этот случай демонстрирует насколько непредсказуемы результаты реализации программы обменов в странах с разными ментально-культурными установками и политическими традициями. Описанный кейс не стал исключением в процессе выявления негативных последствий расширения публичной дипломатии. Так, в 1950 году в первые годы проведения международной гостевой программы лидерства в США, было обнаружено, что большинство жалоб на программу поступило от участников из Индии. Причина в том, что посольство США в основном осуществляло отбор кандидатов для участия в программе из высших каст, которые ожидали более почтительного отношения к ним (как к VIP персонам) чем они получили. Часто индивидуальный характер опыта, полученного во время программы обмена, особенно в более длительных студенческих обменах, также может создать проблемы негативной социальной изоляции для некоторых групп. Вопросы контактов между организацией, которая приглашает и участником, могут иметь разные коннотации для разных культурных групп. В то время как некоторые не имеют никаких ожиданий, другие могут быть удивлены (и разочарованы). Важным является учет национальных, культурных и социо-политических традиционных установок как для приглашающих стран, так и для их гостей, для

гармоничного осуществления целей программы и развития позитивного потенциала публичной дипломатии [7, с. 52].

В целом, обмен опытом высоко оценивается, прежде всего, из-за его уникальности. Приобретенные участниками новые знания и навыки разнообразны и новационны для участников, поскольку были недоступны на местном уровне. Это связано с восприятием и оценкой новой культурной среды в сочетании с непосредственным опытом, что всегда будет иметь больший эффект, чем пассивное знание. Здесь также весомую роль играет фактор престижа, который предполагает получение доступа к лицам или учреждениям, которые могли бы быть закрыты или доступны только через более формальные маршруты.

Для успешной реализации публичной демократии путем образовательно-культурных обменов важное значение имеет мотивация молодого поколения. Помимо уникальности и престижности участия в студенческих обменах, молодежь ориентируется на вакансии и возможности, предлагаемые программой, которые можно использовать для своей личной и / или профессиональной выгоды. Первый контакт с другой культурой, хорошо продуманный и просчитанный, может иметь положительный и довольно длительный эффект.

Немаловажным в данном контексте является вопрос статуса участника обменной программы после возвращения домой. Идеально, если ценность обмена для обоих – организатора и участника – будет совпадать. В случае успеха, опыт будет способствовать не только личным знаниям, но и дальнейшему поощрению амбиций и, возможно, развитию лидерского потенциала участника. В 1940 году исследователи по связям с общественностью в США разработали концепцию «лидера общественного мнения», который в зависимости от знаний, полученных из непосредственного опыта, может функционировать в качестве

ключевого передатчика информации внутри этого сообщества. Обмены были впервые применены для создания лидеров общественного мнения оккупационными силами США в послевоенной Германии, в рамках перевоспитания немецкого общества на демократических началах [7, с. 53].

Подобная политика в Иране также является довольно ярким примером. Относительная изоляция значительной части населения от контактов с внешним миром позволяет тем, кто имеет возможность участвовать в обменах играть более заметную роль, чем они имели бы в противном случае.

Обмены могут функционировать как важный путь для создания нейтрального пространства. Как правило, это относится к внедрению и объединению лиц и учреждений, работающих в той же отрасли. Обмены в частном секторе между Советским Союзом и Восточной Европой переняли этот подход, чтобы преодолеть межблочный антагонизм посредством профессионального обмена. Он также может включать организацию международных групповых посещений, основанных на конкретной теме, для объединения определенной группы вокруг определенной цели. Путешествия в течение нескольких дней или недель в страны, не являющиеся родными для участников, как правило, способствуют разрушению барьеров, стереотипов, которые останутся в других, более формальных обстоятельствах, стимулируя заинтересованность, диалог и долгосрочные контакты. Необходимо максимизировать возможности личного общения, чтобы сломать барьеры, имеющие негативное влияние.

Актуальным примером успешности продвижения национальных интересов, политических приоритетов и позиций в рамках политики «мягкой силы» стали обменные и стипендиальные программы «Института открытого общества Джорджа Сороса» (OSI). С 1993 года эта организация в рамках стратегии

демократизации, развития гражданского общества и практики эффективного управления реализует гранты для профессионального обмена и развития лидерского потенциала для участников из Центральной Европы и Центральной Азии. Заслуживающим внимания является тот факт, что эти программы не связаны с какими-либо конкретными национальными интересами, однако их участники, успешно реализовавшие себя в последующей политической карьере и управлении, четко демонстрируют приверженность американским политическим интересам, отстаивая проамериканскую политическую позицию, даже в случае ее несовпадения с политическими и культурными нарративами своей страны.

Таким образом, такие трансграничные контакты приводят к «небольшим, но важным изменениям в идентичности и самовосприятии», при этом ранее существовавшие политические и / или культурные предпочтения не отвергаются, но становятся более гибкими [5, с. 87]. Идентичность является основой для определения интересов. Цель обмена может сформировать беспрецедентный опыт, тем самым устраняя ранее существовавшие понятия идентичности и интересов. Ассоциации выпускников университетов, программ обменов могут выступать полезным инструментом не только для поддержания контактов, но и как платформы для организации программ.

Исследования послевоенных немецких программ и методов психологического ведения боя подчеркнули тот факт, что критики редко колеблются в своем решении, а сомневающиеся могут стать сторонниками и последователями. С этой точки зрения обмены – это простой способ управления межгосударственными отношениями, поскольку они могут быть применены для создания в долгосрочной перспективе сообщества людей, объединенных вокруг родства культур. С 1946 года программа Фулбрайта успешно разрабатывает

такое родство с Соединенными Штатами, во-первых с помощью средств самого академического обмена, а во-вторых, поощряя появление такого учебного курса как американистика в университетах по всему миру [2].

Одной из наиболее масштабных и успешных практик реализации программ обменов в рамках реализации публичной дипломатии бесспорно является опыт Государственного департамента Соединенных Штатов Америки. Международная сеть выпускников программ обменов Государственного департамента США за более чем 50 лет существования насчитывает более 1 млн. участников, ежегодно в различных программах Госдепа принимают участие более 55 тыс. человек. Из числа выпускников программ обменов Госдепа 565 действительных или экс глав государств, 75 нобелевских лауреата [6]. Все выпускники программ Госдепа объединены в международную сеть выпускников, которая координируются офисом по делам выпускников Бюро по делам образования и культуры Госдепа. Художники, педагоги, спортсмены, студенты, молодежь, лидеры общественного мнения из 160 стран участвуют в научных, культурных, спортивных и профессиональных обменах. Бюро по делам образования и культуры Госдепа предлагает большое количество программ обменов для неграждан США.

Среди этих программ одной из наиболее престижных и популярных считается программа «институты по американистике» (Study of the United States Institutes – SUSI), посвященные различным темам в области американистики (американская политика и политическая мысль; современная американская литература; журналистика и медиа; религиозный плюрализм в США; среднее образование; культура и общество США; внешняя политика США; формирование национальной политики в области национальной безопасности) [8]. Эти программы разработаны для преподавателей

высших учебных заведений, чиновников, журналистов, руководителей и лидеров общественного мнения из разных стран мира. Обучение проводится на территории университетов, расположенных в разных регионах Соединенных Штатов. В каждом проекте участвуют 18 финалистов из разных стран. Основной целью организации упомянутых институтов является улучшение качества преподавания американистики в вузах за пределами США, ознакомление иностранных участников с Соединенными Штатами, граждан США с другими культурами и странами, стимулирование продвижения участников по карьерной лестнице с целью расширения сети лояльных к США руководителей за рубежом и т. п.

Так, «Институт по американистике по вопросам формирования национальной политики в области национальной безопасности 2018» проходил в городе Ньюарк на базе Университета Делавэра в течение шести недель. «Институт американистики по вопросам формирования национальной политики в области национальной безопасности» - это интенсивная академическая постдокторская программа с комплексными учебными поездками, которая предоставила возможность группе из 18 участников со всего мира углубить свое понимание основ политики национальной безопасности США и современных угроз, стоящих перед США. Институт сосредоточился на вопросах разработки политики внешней и национальной безопасности США и роли федерального правительства, аналитических центров, средств массовой информации и общественного мнения в формировании этой политики. В программе рассматривался вопрос о том, как в США определяется и обеспечивается непрерывность политики национальной безопасности и трансформации, которые происходят через смену президентских администраций. Общая значимая вторая тема программы – «Институты и процессы в формировании политики в области национальной безопасности», фокус которой

был сосредоточен на четырех взаимосвязанных модулях: 1) Мир глазами США и их место в глобальной системе; 2) терроризм и национальная безопасность в США и за рубежом; 3) иммиграционная политика США и политика в отношении беженцев; 4) поиск правильного баланса между унилатерализмом и мультилатерализмом в политике США. Участники программы прошли жесткий отбор. На финальном этапе отбора Бюро образовательных и культурных программ Государственного департамента США рассматривало заявки от 120 стран. В итоге на стажировку были приглашены 18 участников из Украины, Португалии, Соединенного Королевства, Израиля, Словакии, Китая, Индии, Аргентины, Грузии, Пакистана, Ливана, Ганы, Камеруна, Монголии, Малайзии, Вьетнама, Чили, Мексики. Преимущество было отдано высокомотивированным и опытным сотрудникам высших учебных заведений, министерств или учреждений, занимающихся вопросами разработки политики национальной безопасности. Всего участники программы посетили 11 городов, 13 высших учебных заведений, в том числе 4 – военного направления (Национальный университет обороны, Вест-Поинт, военно-морская академия в Аннаполисе, военный колледж в Карлайле), 40 лекций и диалоговых мероприятий, побывали в ведущих аналитических центрах Америки. Важным результатом программы стало создание научного сообщества, главной целью которого является поддержание контактов между участниками и содействие развитию международного сотрудничества. Первая инициатива сообщества - издание совместной монографии по вопросам международных отношений, глобальной и международной безопасности. Также достигнуты договоренности о подписании соглашений о сотрудничестве между университетами, в которых работают или, с которыми сотрудничают участники программы [8].

Участники из всех стран являются выдающимися представителями академической, политической и аналитической среды. Ярким примером положительного влияния программ обменов Госдепа США и программы институтов по американистике по вопросам формирования политики в области национальной безопасности 2018 в частности является факт участия в последней представителей Израиля и Ливана – стран, находящихся в состоянии войны. Совместное участие в программе дает возможность установить контакты, которые в будущем могут способствовать установлению мира между этими странами и, безусловно, послужит укреплению американских интересов в регионе.

Стоит также обратить внимание на программу Эразмус+, которая реализуется Европейским Союзом. Это программа обменов студентов, преподавателей и ученых стран-членов ЕС, а также Исландии, Лихтенштейна, Македонии, Норвегии, Турции. Программа предоставляет возможность учиться, проходить стажировку или преподавать в другой стране, участвующей в программе. Сроки обучения и стажировки могут составлять от 3 месяцев до 1 года. В течение 2014-2020 годов по направлению учебной (академической) мобильности программой Эразмус+ были предоставлены гранты и возможности для обучения около 4 млн человек и 125 тыс. организациям. На эти цели было выделено 63% общего бюджета программы Эразмус+, что составило в общей сложности 14,7 млрд евро [1].

Все осуществляемые культурно-образовательные и профессиональные обмены софункционируют с внешней политикой государства, выступая в роли инструмента «мягкой силы». Такая форма публичной дипломатии чрезвычайно эффективна, однако требует достаточного объёма финансирования, что для не останавливает инициаторов данных программ. Организаторы рассматривают финансирование обменных программ в качестве

долгосрочных инвестиций с высоким уровнем доходности в будущем. Финансовые и политические дивиденды программ обменов обеспечиваются участниками разных стран и регионов. Стипендиаты программ Фулбрайта, Сороса, Эразмус, сделавшие впоследствии политическую или бизнес-карьеру сохраняют, как правило, лояльную позицию по отношению к стране-организатору, что оказывает непосредственное влияние на принятие ими политических или государственных решений.

Выводы. Таким образом, рассмотрев все вышеприведенное можно сделать следующие выводы.

Во-первых, программы обменов (научных, студенческих, деятелей культуры, журналистов, государственных и общественных деятелей и т.п.) являются чрезвычайно эффективным средством реализации публичной дипломатии, на который страны не жалеют средств, расширяя таким образом сеть лояльных представителей различных профессий за рубежом.

Во-вторых, стоит отметить, что программы обменов, организованные без учета статуса участника в его стране, ее культурных и религиозных особенностей, могут иметь обратный эффект. Поэтому программы обменов должны быть тщательно подготовлены с учетом всех особенностей участников.

В-третьих, наиболее массовыми и затратными являются программы обменов Государственного департамента США и Европейского Союза. Они насчитывают миллиардные бюджеты и миллионы выпускников по всему миру, среди которых много лидеров государств, высокопоставленных чиновников разного уровня, Нобелевских лауреатов, всемирно известных ученых и т. п., что обеспечивает формирование преданных лобби страны-организатора в стране стипендиата.

В-четвертых, действенным инструментом поддержания контактов страны организатора программ и выпускников являются

ассоциации и сети выпускников. Среди таких ассоциаций наиболее массовой является международная сеть выпускников программ Госдепа США. Кроме того, после регистрации все выпускники получают пожизненные уникальные возможности: доступ к базам данных грантов; к электронным библиотекам; бесплатную возможность скачивать электронные версии ведущих американских газет, журналов научного, общественно-политического направления; доступ к базам данных вакансий, чтобы способствовать продвижению выпускников по карьерной лестнице, повышению их социального статуса; возможность получить финансирование индивидуальных проектов для выпускников программ обмена и т. д.

В-пятых, одним из наиболее эффективных примеров программ обменов являются институты по американистике, задекларированная цель которых улучшить качество преподавания американистики в вузах за пределами США, познакомить иностранных участников с Соединенными Штатами, граждан США с другими культурами и странами, способствовать продвижению участников по карьерной дробине с целью расширения сети лояльных к США руководителей за рубежом и т. п. Одновременно с озвученными, достигаются также цели по распространению американской политической позиции, поддержанию установленного миропорядка, распространения негласного влияния на молодежь, политиков и государственных служащих стран стипендиатов.

Список источников

1. Рыжов В. Б. Сотрудничество Европейского союза с государствами постсоветского пространства в области образования (на примере программы Erasmus+) // Международное право. 2019. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-evropeyskogo-soyuza-s-gosudarstvami-postsovetskogo-prostranstva-v-oblasti-obrazovaniya-na-primere-programmy-erasmus (дата обращения: 04.06.2026).

2. Шамугия И. Ш. Понятие «Публичная дипломатия» в теории международных отношений // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2017. №10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-publichnaya-diplomatiya-v-teorii-mezhdunarodnyh-otnosheniy (дата обращения: 04.06.2026).

3. Теория и практика публичной дипломатии России: учеб.-метод. материалы № 10/2024 / [Н.В. Бурлинова; под ред. С.М. Гавриловой, Е.А. Солодухиной и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2024. – 160 с.

4. Долинский А. В. Образовательные обмены в публичной дипломатии: Российский и зарубежный опыт // Вестник МГИМО. 2014. №2 (35). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnye-obmeny-v-publichnoy-diplomatii-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt (дата обращения: 04.06.2026).

5. Артамонова У.З. Обменные программы как инструмент публичной дипломатии США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2023. Т. 53, № 12. С. 86-98.

6. Bureau of Educational and Cultural Affairs. International Exchange Alumni. URL: https://alumni.state.gov. (дата обращения: 04.06.2026).

7. Routledge Handbook of Public Diplomacy / [Nancy Snow, Philip M. Taylor, Nicholas J. Cull, Michael Vlahos and others]; edited by Philip M. Taylor. — New York: Routledge, 2009. — 382 p.

8. Study of the U.S. Institutes for Scholars // Bureau of Educational and Cultural Affairs Exchange Programs). URL: https://exchanges.state.gov/non-us/program/study-us-institutes-scholars. (дата обращения: 04.09.2026).

***Мазур Оксана Геннадиевна**, д. полит. н., доцент, профессор кафедры государственного управления Луганского государственного университета имени Владимира Даля, г. Луганск.*
***SPIN-код:** 7378-7264*
***E-mail**:* oksanamazur1974@gmail.com

Пробейголова Наталья Владимировна, *к. полит. н., доцент, доцент кафедры государственного управления Луганского государственного университета имени Владимира Даля, г. Луганск.*
SPIN-код: *5289-8348*
E-mail*:* nataprob@mail.ru

Mazur O.G., Probeygolova N.V.

EXCHANGE PROGRAMS IN THE CONTEXT OF PUBLIC DIPLOMACY IMPLEMENTATION

The article analyzes the effectiveness of exchange programs and academic mobility as a means of implementing public diplomacy. It is stated that exchanges make it possible not to lose public relations, exchange of people, ideas and opinions in countless global social contacts, but they are effective only when they allow participants to feel the openness and honesty of interaction with the host nation. The author provides examples of the most successful exchange programs between different countries of the world at different times. The exchange programs of the State Department with the Higher School of Economics, in particular, institutes for American studies, are being considered. A special place is given to the Erasmus+ program, which is being implemented by the European Union, since Ukraine, as a Partner Country, has opportunities to organize and participate in academic mobility projects with the Erasmus+ Program Countries. It is concluded that exchanges will bring only the best results if they function with foreign policy, fulfilling its tasks, because this form of public diplomacy is extremely effective and worth financing to improve the image of a state or group of states abroad. It is also noted that exchange programs (academic, student, cultural workers, journalists, government and public figures, etc.) are an extremely effective means of implementing public diplomacy, for which countries spare no expense, thus expanding the network of loyal representatives of various professions abroad.

Keywords: *exchange, exchange programs, public diplomacy, academic mobility, institutes of American studies, U.S. Department of State, Bureau of*

Educational and Cultural Affairs of the U.S. Department of State, ERASMUS+ program.

***Mazur Oksana Gennadievna**, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Public Administration of the Lugansk State University named after V. Dahl.*
***SPIN code:** 7378-7264*
***E-mail:** oksanamazur1974@gmail.com*

***Probeigolova Natalia Vladimirovna**, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration of the Lugansk State University named after V. Dahl.*
***SPIN code:** 5289-8348*
E-mail: nataprob@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.04.2026 г.

УДК 323:94(477)+32.019.51

Макарова Е.И., Татаринов И.Е.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА УКРАИНЕ В 1990-х – НАЧАЛЕ 2000-х гг. [1]

В статье рассматриваются процессы становление государственной исторической политики Украины в 1990-х – начале 2000-х годов. Они происходили в условиях поиска новой национальной идентичности и были отмечены глубокими противоречиями. Если в годы президентства Л. Кравчука (1991–1994 гг.) был взят курс на «национализацию» исторической памяти и символическое дистанцирование от советского прошлого, то для политики президента Л. Кучмы (1994–2004 гг.) стало характерным лавирование между прозападными и пророссийскими настроениями в обществе. Указанный период характеризовался сочетанием нарождающейся национальной исторической концепции с сохранившимся бытованием на Украине советских нарративов. Ключевыми инструментами реализации этой политики стали создание новых государственных символов, корректировка школьных учебников и институционализация памяти через деятельность высших органов власти. Авторы констатируют, что все попытки выработать единую историческую линию, способную консолидировать разнородное украинское общество, в тот период не увенчались успехом.

[1] Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №25-28-02675 «Российский исторический нарратив и политика памяти на Украине в 1990-2020-е гг.: проблемы интерпретации и концептуализации».

***Ключевые слова**: политика памяти, государственная историческая политика, идентичность, виктимизация, Украина, Российская Федерация.*

Постановка проблемы. В современном мире политика памяти служит для политических элит главным механизмом актуализации историко-символического наследия в целях формирования национальной идентичности. Именно национальная идентичность в этом процессе приобретает статус базовой, структурообразующей опоры, на которой строится вся государственная мемориальная политика. В этот процесс вовлечены разнообразные политические субъекты, и который выполняет сразу несколько задач: задаёт логику селекции исторического материала, определяет пантеон героев, транслирует болезненные страницы истории и служит главной смысловой осью формирования у общества целостного образа собственного прошлого, настоящего и будущего. Генезис украинской государственной исторической политики проходил в контексте глобальной актуализации memory studies и общеевропейских трендов, однако в Киеве их адаптировали под локальные задачи нациестроительства уже в 1990-х гг. При этом фиксируются парадоксальная ситуация: попытки утвердить единый магистральный нарратив и сейчас наталкиваются на фундаментальную региональную гетерогенность, где конкурируют автономные проекты – национальный / националистический и ностальгически-советский. Сегодня процессы национальной консолидации на Украине существенно ускорились, с одновременным усилением рисков подмены научного анализа политической риторикой, что дополнительно актуализирует поднятую в настоящей статье проблему.

Цель статьи состоит в комплексном анализе процесса зарождения и развития государственной исторической политики на Украине в 1990-х – начале 2000-х гг. и характеристике его основных элементов.

Объект исследования. Государственная историческая политика на Украине.

Предмет исследования. Основные элементы процесса формирования, развития и трансформации государственной исторической политики на Украине в 1990-х – начале 2000-х гг., анализ целей и задач указанных процессов, а также характер воздействия на коллективное сознание.

Степень научной разработанности проблемы. В академическом дискурсе и публицистических нарративах, обращённых к проблематике исторической памяти, для обозначения близких, а нередко и полностью совпадающих феноменов употребляется широкий спектр терминов. Наиболее часто встречаются такие понятия, как «политика памяти», «историческая политика», «мемориальная политика» и другие. Большинство исследователей связывают появление термина «историческая политика» (Geschichtspolitik) с работами Ю. Хабермаса [1, с. 1747]. Данный термин получил широкое распространение именно в Западной Германии в 1980-е годы, что было напрямую связано с политикой канцлера Гельмута Коля, а также с развернувшейся вокруг неё дискуссией. Коль и ряд историков предприняли попытку сформировать более ревизионистскую (позитивную) трактовку событий, которые привели к приходу нацистов к власти и к развязыванию Второй мировой войны. Этот курс вызвал резкую критику со стороны академического сообщества, в результате чего в общественно-политическом дискурсе Германии за термином «Geschichtspolitik» закрепилась негативная окраска. Само понятие «историческая политика» в тот период трактовалось как «интерпретации истории, избранной по политическим, то есть партийным, мотивам, и попытки убедить общественность в правильности такой интерпретации» [2, с. 9]. В 2000-х гг. проект «исторической политики» был концептуально продолжен и развит в

Польше (пол. «polityka historyczna»), где ему стали придавать барьерные / защитные функции в интересах «собственной истории от искажений внутри и за пределами страны и воспитания здорового патриотизма … однако его оценка и обоснование необходимости поменялись в прямо противоположную сторону» [3, с. 21].

Отечественные авторы также уделили внимание данному вопросу. В частности, А.Р. Дюков трактовал историческую политику как «поиск оснований для предъявления политических или экономических претензий, где значимыми инструментами оказываются вымышленные факты, «замалчивание» фактов, сознательная подтасовка интерпретации исторических событий» [4]. Автор довольно основательного учебника В.Э. Багдасарян также отождествлял историческую политику непосредственно с государством [5]. Российские исследователи Р.Э. Герман и В.Ф. Иванников определяют, что «государственная историческая политика представляет собой использование истории для обоснования актуальных целей текущей политики государства. Историческая политика (политика памяти), как направление деятельности любого современного государства и качественно новый уровень политизации истории, представляет собой одно из наиболее эффективных средств воздействия на общественное сознание, выполняя функцию одного из компонентов идеологии» [6, с. 97]. Ряд авторов (Л. В. Бурыкина и Л. Д. Федосеева) идут дальше и обосновывают необходимость формирования государственной исторической политики как фактора национальной безопасности [7].

Заметим, что подобный вектор сегодня довольно широко представлен в украинской историографии. В статье Ю. Литвиновської «Етапи реалізації політики пам’яті в Україні (1991–2023 рр.)» начальный период формирования политики памяти определяется как время, когда происходило сочетание национальной концепции с «советскими пережитками» [8, с. 95]. В научной

литературе чётко прослеживается мысль, что в 1990-е годы Украина столкнулась с парадоксом постсоветской идентичности: в то время как политические элиты инициировали процессы деконструкции советского прошлого, значительная часть населения сохраняла ностальгические ориентации. В основательной коллективной монографии под ред. В. Смолия «Україна: утвердження незалежної держави (1991–2001)», которая стала первой академической попыткой осмыслить этот период как целостный этап, авторы отмечают эти тренды, однако зачастую подменяют анализ идеологизированными клише, акцентируя на «колониальном статусе» Украины [9]. Тем самым закладывая ложные концептуальные нарративы в формирующуюся украинскую государственную историческую политику и расставляя искажённые методологические акценты.

В ряде восточноевропейских стран с начала 2000-х годов концепция «Geschichtspolitik» легла в основу государственной политики, финансируемой и административно поддерживаемой на высоком государственном уровне. Однако не следует буквально отождествлять «политику памяти» и «историческую политику». В рамках англосаксонской языковой традиции целостное видение общего проблемного поля исследований коллективной памяти исходит из того, что «историческая политика» (politics of history) и «политика памяти» (politics of memory) обладают в значительной степени совпадающим, но не абсолютно идентичным содержанием. Сами термины порой применяют противоположные методологии, и, следовательно, имеют разную, хотя и во многом сходную концептуальную природу.

Результаты исследования. С учётом украинской внутриполитической специфики и проанализированной научной литературы, можно выделить несколько основных этапов формирования и последующего развития государственной

исторической политики. Как правило, они коррелируются с важнейшими политическими событиями в истории Украины и часто совпадают с периодами правления того или иного президента страны.

В частности, этап, хронологически охватывающий 1991-2004 гг. условно можно именовать как период «национализации» исторической памяти и амбивалентности в политике. В этот период происходило становление государственной исторической политики, которое началось с провозглашения независимости Украины в августе 1991 г. Он знаменовался, среди прочего, с началом формирования принципиально иной, новой модели государственной исторической политики. Перед руководством страны встала задача создания собственного исторического нарратива, который должен был заменить советскую концепцию истории и стать идеологической основой независимого государства. В лице Президента Украины Леонида Кравчука – бывшего коммунистического функционера, ранее заведовавшего в ЦК КПУ идеологией и пропагандой, а в 1991–1994 гг. – занимавшего пост Президента Украины, стал реализовываться тренд на отделение от советского прошлого и национализацию исторической памяти. В годы его правления началось формирование основ исторической политики с отчётливым политико-символическим дистанцированием от бывшего центра – Москвы, и от советских нарративов о братских народах и их совместном вкладе в героическую летопись единого государства.

Однако следует заметить осторожность и отсутствие последовательной стратегии в реализации государственной политике памяти в первые годы украинской независимости. Весьма примечательны слова Л. Кравчука, утверждавшего, что у «украинского народа нет своей истории» [10, с. 53]. Это можно объяснить следующими факторами. Во-первых, украинское

общество сохраняло значительную региональную неоднородность в исторических представлениях. Во-вторых, большинство государственных институтов продолжало функционировать в рамках советской административной традиции. В-третьих, политическое руководство Украины официально реализуя многовекторную политику, стремилось избежать обострения внутренних противоречий между различными регионами страны. Тем не менее, именно в этот период были утверждены государственные символы Украины – флаг, герб и гимн. Одновременно происходило постепенное переосмысление истории украинского национального движения XIX–XX вв., расширялись исследования истории Украинской Народной Республики, Западно-Украинской Народной Республики и деятельности различных национально ориентированных, включая националистические, политических организаций.

С избранием на пост президента Леонида Кучмы в 1994 г. историческая политика приобрела более прагматичный характер. Государственное руководство стремилось сочетать развитие украинской национальной идентичности с сохранением преемственности отдельных элементов советского исторического наследия. Именно поэтому в официальной памяти сосуществовали различные интерпретации Второй мировой войны / Великой Отечественной войны, советского периода и национально-освободительного движения. В общественно-политическом пространстве мирно сосуществовали уважительные нарративы по отношению «к ветеранам Великой Отечественной войны и «неотрицание» советских основ исторической политики, а с другой – все более настойчиво шёл процесс реабилитации видных деятелей украинского национализма, в годы ВОВ отметившихся коллаборационизмом и военными преступлениями. В частности, по линии Национальной Академии наук Украины (НАНУ) в научно-

идеологический дискурс и информационное поле активно внедрялась и всячески популяризировалась идея о примирении ветеранов ВОВ и ОУН-УПА[2]» [11, с. 431-432].

Кроме того, в конце 1990-х гг. появляются государственные мероприятия, посвящённые памяти жертв политических репрессий и Голодомора. В украинском научном и общественном пространстве усилилось внимание к проблемам тоталитаризма, репрессий и нарушениям прав человека в советский период. Для Украины, как впрочем, и для многих восточноевропейских государств, историческое прошлое становится инструментом политической мобилизации, где образы жертвы и врага выступают ключевыми элементами политики памяти. На этом фоне весьма примечательным сюжетом украинской исторической политики стал выход в 2003 г. книги под авторством Л. Кучмы с максимально символическим названием «Украина – не Россия». В ней автор резюмирует разность исторических судеб народов, разный национальный опыт разное самосознание, несхожие культурно-языковые ситуации, принципиально разные отношения с географическим и геополитическим пространством, неодинаковую ресурсную базу, разный политический вес в мире и несоизмеримые возможности для взаимовлияния [12]. Составлена весьма грамотно и тщательно в историко-фактологическом плане, книга тонко и аргументировано проводит грань между русским и украинским народом, полностью соответствуя названию.

В целом, на этом этапе обозначился постепенный отход от советской модели исторической политики при одновременном отсутствии радикального пересмотра прошлого. Государственная историческая политика носила компромиссный характер, стремясь учитывать существование различных региональных исторических

[2] Экстремистские организации, запрещённые в Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2014 г.

идентичностей и во многом обусловленных этим электоральных особенностей. В то же время такая политика носила двойственные черты. С одной стороны, происходила постепенная «национализация» исторического нарратива, связанная с отказом от советского наследия и поиском новых героев – от деятелей УНР до участников национально-освободительного движения. С другой стороны, амбивалентность проявлялась в сохранении советской символики и соответствующих коммемораций в восточных и южных регионах.

Именно тогда зарождается и получает государственную поддержку национальный нарратив о Голодоморе, который впоследствии станет одной из ключевых составляющих украинской политики памяти. Интересен генезис Голодомора. Как отмечает Георгий Касьянов в книге «Memory Crash», «Голодомор» как комплекс стереотипных представлений сформировался в диаспорной среде в 1980-х годах и позже был перенесён в Украину, где стал ключевой составляющей современного этнонационального мифа [13]. Тогда же известные украинские историки – В. Смолий, В. Литвин и их соавторы, в коллективной монографии «Голод 1932–1933 років в Україні: причини та наслідки» (2003) заложили методологические основания для интерпретации голода как геноцида [14], что впоследствии было закреплено законодательно. Данный подход методологически изолирует украинский голод от общесоветского контекста, ошибочно распространяя его только на украинцев, и тем самым деконтекстуализирует общую трагедию.

Следующий этап развития украинской государственной исторической политики охватывает 2005–2010 гг. и непосредственно связан с событиями так наз. «Оранжевой революции». На этом этапе происходит радикализация и стремительная институционализация политики памяти с формированием нового исторического нарратива, главным образом фокусируясь на героизации на

государственном уровне украинских националистов. В связи с событиями 2004 г. государственная историческая политика приобрела качественно новые черты и динамику. При президенте Викторе Ющенко она стала одним из центральных направлений государственного строительства. Если в предшествующий период власть стремилась сохранить относительный баланс между различными историческими традициями, то с 2005 г. государство начало проводить более последовательную политику по формированию единого национального исторического нарратива. Отметим «усиление украинизации и попыток консолидации «украинской нации» вокруг новых героев и мифов, а также системную виктимизацию украинской истории, ставшими основными сюжетами его политики» [11, с. 432].

Важнейшим направлением стала институционализация политики памяти. В 2006 г. был создан Украинский институт национальной памяти (УИНП), деятельность которого была направлена на исследование истории Украины XX века, изучение архивных документов, подготовку образовательных материалов и координацию государственной мемориальной политики. В научной литературе данный этап рассматривается как переход от символических инициатив к созданию специализированных государственных институтов исторической политики. Подобные учреждения аккумулировали, формулировали и популяризировали основные тезисы государственной исторической политики. В ряде стран Восточной Европы в области политики памяти акцент делается на событиях XX века, в том числе на коммунистическом периоде.

Созданный по образцу аналогичных восточноевропейских структур, УИНП также внедряла в мемориальное пространство специфические сюжеты и смыслы, замещая ранее бытовавшие просоветские / пророссийские нарративы. Государство создало его

как орган исполнительной власти со специальным статусом и как инструмент формирования исторической памяти. УИНП сегодня выступает не только в качестве идеологического инструмента, но и как полноценный административно-политический механизм, формирующий единственно верную – «разрешённую» версию прошлого, предусматривающую наказание за её отрицание. Сфера деятельности сфокусировалась на переписывании учебников по истории, ревизии событий Великой Отечественной войны с постепенной заменой концепта «Великая Отечественная война» на «Вторая мировая война», введении в оборот понятия «советская оккупация», демонтаже памятников советского периода и т.п. В конечно итоге на ментальном уровне в украинское общество стали системно внедрять антагонистические убеждения и негативные по отношению к СССР / России образы и мнемонические режимы. Это, по мнению А. Миллера и О. Малиновой, «доминирующая модель политики памяти, которая существует в данном обществе в данный момент в отношении конкретного исторического события или процесса, имеющего важные последствия и определяется конфигурацией мнемонических акторов» [15, с. 305].

В этот период в официальном историческом дискурсе тема Голодомора 1932–1933 гг. заняла особое место. В 2006 г. Верховная Рада Украины приняла Закон «О Голодоморе 1932–1933 годов в Украине», согласно которому Голодомор признавался актом «геноцида Украинского народа как следствие умышленных действий тоталитарного репрессивного сталинского режима, направленных на массовое уничтожение части украинского и других народов бывшего СССР» [16]. Этот вопрос приобрёл не только внутреннее, но и международное измерение: украинская дипломатия добивалась признания такой квалификации другими государствами и международными организациями, апеллируя к нормам Конвенции от 9 декабря 1948 года о предупреждении преступления геноцида и

наказании за него. С этого момента государственная политика памяти на Украине стала подкрепляться соответствующими нормативно-правовыми актами. Вместе с тем в научной среде продолжались дискуссии относительно юридической и исторической оценки событий XX века, что отражало существование различных исследовательских подходов и научных школ.

Очевидно, что сознательное позиционирование своей страны в качестве государства-жертвы имело цель консолидировать украинскую нацию вокруг пережитого страдания и сформировать устойчивый образ внешнего врага (совершенно определённо со стороны Российской империи / СССР / РФ). Если в советский период данная тема практически отсутствовала в публичном пространстве, то после распада СССР она постепенно заняла центральное место в государственной исторической политике. Были опубликованы многочисленные архивные документы, организованы научные конференции, созданы мемориальные комплексы, посвящённые памяти жертв голода. В то же время, умышленная травматизация коллективной памяти может превратиться в незаживающую рану на теле социума, препятствуя его развитию и стабильности. Согласно концепции социокультурной травмы П. Штомпки, в обобщённом виде культурная травма – это состояние шока и напряжения, которое переживает группа или общество в целом из-за радикальных изменений в системах значений и ценностей [17, с. 3-12].

Следует заметить, что в этот период обозначились процессы так наз. декоммунизации, однако они носили весьма ограниченный характер. Значительная часть памятников советским государственным деятелям продолжала сохраняться а большинство топонимов советского происхождения и не подвергалась демонтажу либо перемещению. Государство продолжало сохранять баланс

между различными историческими традициями и интерпретациями ключевых событий украинской истории, существовавшими в обществе. Гораздо больший резонанс вызвала переоценка роли ОУН-УПА[3]. Здесь государственная политика стала ориентироваться на признание представителей националистического подполья участниками борьбы за независимость Украины. В 2010 г. президент Виктор Ющенко присвоил Степану Бандере звание Героя Украины. Впоследствии это решение было отменено судом в годы правления В. Януковича, однако сам вопрос оценки деятельности националистов сохранял высокую общественную и политическую актуальность.

В сфере образования были довольно существенно пересмотрены школьные программы по истории Украины, увеличилось внимание к темам национально-освободительного движения, политических репрессий, истории украинской государственности и европейских связей Украины. Однако реализация новой политики памяти сопровождалась неоднозначной общественной реакцией. Социологические исследования показывали, что оценки деятельности украинских националистических организаций, а также интерпретация советского прошлого существенно различались в западных, центральных и восточных регионах страны. Внедрение подобных сюжетов не способствовало консолидации украинского общества и формирования соответствующей идентичности. Это свидетельствовало о сохранении и бытовании на Украине нескольких моделей коллективной памяти, которые параллельно сосуществовали в украинском обществе. В целом же историческая политика в этот период чётко реализовывалась в рамках концепции «национально-освободительной борьбы украинского народа».

[3] Экстремистские организации, запрещённые в Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2014 г.

Указанные тренды нашли своё обобщение в комплексной монографии «Культура історичної пам'яті: європейський та український досвід», вышедшей в 2013 году [18].

Важно также отметить критическое осмысление процессов глорификации националистов в западной академической среде. В частности, заслуживает внимания исследование шведского учёного Пер-Андерса Рудлинга и его монография «Tarnished Heroes», являющаяся наиболее авторитетным и документированным анализом этого процесса. Автор убедительно показывает, что попытки реабилитации ОУН и УПА[4], начатые при Ющенко и усиленные после Евромайдана, требовали крайне избирательного прочтения истории, особенно в отношении роли этих организаций в Холокосте и этнических чистках польского населения на Волыни в 1943-1944 годах. Рудлинг деконструирует официальные мифы о лидерах националистов – Бандере, Шухевиче, Лебеде, показывая, как новые архивные материалы подрывают государственные нарративы [19].

На 2010–2013 гг. приходится новый этап развития украинской государственной исторической политики. Для него характерными особенностями стали отход от национального вектора и корректировка политики памяти. Данный этап связан с президентством Виктора Януковича, который частично пересмотрел ряд направлений исторической политики предыдущего периода. Вместе с тем изменения носили ограниченный характер и не означали полного отказа от сформированных ранее институтов политики памяти. Например, УИНП был реорганизован, его полномочия были существенно сокращены, однако процессы виктимизации исторической памяти и героизации ранее токсичных фигур истории ВОВ, которые были заданы при Ющенко, при

[4] Экстремистские организации, запрещённые в Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2014 г.

Януковиче в целом сохранялись. В то же время был очевиден заметный отход от радикального националистического вектора, особенно с учётом электоральной базы В. Януковича, ставшего президентом благодаря голосам с востока и юга Украины, где радикальные нарративы всегда вызывали отторжение. Государство, тем не менее, не отказалось от изучения политических репрессий и Голодомора, продолжив поддержку научный исследований, мемориальных практик и публикацию архивных материалов по указанным темам.

В целом государственная политика на данном этапе стала менее активной в вопросах символической декоммунизации и героизации националистического движения. Именно в годы президентства Януковича произошёл отзыв звания героев Украины лидерам ОУН-УПА[5] Бандере и Шухевичу. В этот период особое внимание вновь уделялось памяти о Великой Отечественной войне как одному из важнейших объединяющих исторических событий. Продолжалось финансирование проведения официальных мероприятий, посвящённых победе над нацизмом, сохранялась значительная часть советской мемориальной инфраструктуры. В научном дискурсе данный этап часто характеризуется как период относительной стабилизации украинской политики памяти. Государство стремилось уменьшить конфликтность проблемных исторических вопросов и снизить уровень политизации отдельных тем. Однако добиться формирования единого исторического нарратива не удалось. Таким образом, следует говорить скорее о корректировке акцентов исторической политики, чем о ее принципиальном изменении в годы президентства В. Януковича.

Существенное значение в этот период продолжали оказывать региональные особенности коллективной памяти. Для западных

[5] Экстремистские организации, запрещённые в Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2014 г.

областей Украины сохранялось приоритетное значение национально-освободительной традиции, где «практики глорификации националистов и их лидеров приобрели ещё больший масштаб» [11, с. 433]. Тогда как в ряде восточных и южных регионов более значимой оставалась память о советском периоде и Великой Отечественной войне. Эти различия проявлялись в образовательной политике, деятельности органов местного самоуправления и мемориальной культуре. Исследователи отмечают, что отсутствие устойчивого общественного консенсуса по вопросам исторической памяти делало ее предметом политической конкуренции. История становилась важным ресурсом символической политики, посредством которого различные политические силы стремились укрепить собственную легитимность и мобилизовать электорат.

В целом к концу 2013 г. основные украинские институты политики памяти уже были сформированы, однако единая государственная концепция исторического прошлого продолжала оставаться предметом общественных и научных дискуссий. Последующие политические события привели к новому этапу трансформации исторической политики, который характеризовался ускоренной декоммунизацией, изменением символического пространства и дальнейшей институционализацией политики памяти. На Западной Украине не приняли «историческую политику Януковича и саму личность президента, которого всячески демонизировали и обвиняли в пророссийской политике. Более того, жители запада Украины стали основной движущей силой на вспыхнувшем в Киеве государственном перевороте, получившем название «Революция Достоинства». В феврале 2014 году Янукович бежал в Россию, а власть в Киеве захватили националисты» [11, с. 433]. Следует заметить, что отсутствие на Украине устойчивого общественного консенсуса по вопросам исторической

памяти делало ее предметом политической конкуренции. История становилась не только частью внутриполитической борьбы, но и важным ресурсом символической политики, посредством которого различные политические силы стремились укрепить собственную легитимность и мобилизовать электорат.

Период президентства Виктора Януковича характеризуется как временный отход от активной национальной политики памяти. Как указывается в работе Литвиновской, в эти годы происходит «отход от национального вектора», что выражалось в смягчении риторики по отношению к советскому прошлому и попытках пересмотра законодательных актов предшествующего периода [8]. Это время можно охарактеризовать как мнемонический конфликт между государственным курсом и активностью общественных организаций, которые продолжали продвигать героизацию ОУН-УПА[6] и трактовку Голодомора как геноцида. Георгий Касьянов в своих работах подчёркивает, что даже в этот «спокойный» период основные институции политики памяти – Украинский институт национальной памяти – продолжали работать в русле предшествующей парадигмы, накапливая кадровый и нормативный ресурс для будущего рывка в политике памяти после «Евромайдана» [20].

Выводы. Таким образом, анализ процесса формирования украинской модели политики памяти позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, украинская историческая политика представляет собой искусственно сконструированную и институционально обеспеченную систему, нацеленную на формирование национальной идентичности через разрыв с общим советско-российским прошлым, виктимизацию исторического сознания и глорификацию антироссийских военно-политических

[6] Экстремистские организации, запрещённые в Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2014 г.

структур. Во-вторых, память стала ресурсом легитимации политических решений и территориальных изменений. Ключевыми нарративами украинской политики памяти являются: Голодомор как геноцид украинского народа, героизация украинских националистов и их лидеров, а также системная декоммунизация, направленная на полное вытеснение советского наследия из публичного пространства. В-третьих, внешнеполитическое измерение украинской государственной исторической политики обостряет конфликт с Россией и Польшей, используя историю как инструмент политического давления и формирования негативного образа соседей. Здесь политика памяти, отражённая, в том числе и в историографии, все более превращается в поле гибридной войны, где исторические факты становятся оружием. Именно поэтому понимание сущности украинской политики памяти приобретает все большую актуальность для выработки адекватной и эффективной ответной стратегии в гуманитарной, информационной и внешнеполитической сферах.

Список литературы

1. Русакова О. Ф. Историческая политика в России: современные вызовы и новые компетентности / О. Ф. Русакова // XVI Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана (90-летие со дня рождения) «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 21-22 марта 2013 г. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. – С. 1745-1751.

2. Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. Т 13. – № 3 – 4. – С. 6-23.

3. Батищев Р.Ю. Война как предмет политики памяти: теоретико-методологические аспекты: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 5.5.1. / Батищев Роман Юрьевич; [ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»; Диссовет МГУ.055.2]. – Москва, 2023. – 24 с.

4. Дюков А.Р. Ни одно общество в мире не может обойтись без своей

"политики памяти" [Электронный ресурс] // Информационно-аналитическое сообщество «Мировоззрение Русской цивилизации» [сайт]. 18.02.2009. URL: https://www.razumei.ru/lib/article/276?ysclid=mtog5zklgr972383213 (дата обращения: 31.08.2026).

5. Багдасарян В.Э. Историческая политика: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки "Политология" (квалификация (степень) "магистр") / В. Э. Багдасарян, В. В. Бушуев; [рец.: И. Б. Орлов, С. И. Реснянский]. – Москва : ИНФРА-М, 2023. – 335 с.

6. Герман Р.Э., Иванников В.Ф. Институциональные основы «исторической политики» современной России // Социальная политика и социология. 2011. – № 4 (70). – С. 97–108.

7. Бурыкина Л. В. Об эволюции государственной исторической политики в условиях трансформации российского социогуманитарного образования / Л. В. Бурыкина, Л. Д. Федосеева // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология, 2018. – Вып. 2. –С.33-40.

8. Литвиновська Ю. Етапи реалізації політики пам'яті в Україні (1991–2023 рр.) // Консенсус. 2024. – № 1. – С. 92–104.

9. Смолій В. А. (ред.). Україна: утвердження незалежної держави (1991–2001). К.: Альтернативи, 2001. – 704 с.

10. Томайчук Л. В. Мифологизация истории как инструмент конструирования национальной идентичности на современной Украине и в Беларуси / Л. В. Томайчук // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. – № 3. – С. 52—55.

11. Татаринов, И.Е. Политика памяти о событиях Великой Отечественной войны на Украине: генезис и характеристика основных этапов / И.Е. Татаринов // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы VII Всероссийской научной конференции с международным участием, посвящённой 85-летию начала Великой Отечественной войны (г. Ростов-на-Дону, 24–27 июня 2026 г.). – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2026. – 512 с. – С. 429-434.

12. Кучма Л. Д. Украина – не Россия. – М.: Время, 2003. – 559 с.

13.Kasianov, Georgiy. Memory crash: the politics of history in and around Ukraine, 1980s-2010s. Budapest, Central European University Press, 2022. – 408 p.

14.Голод 1932–1933 років в Україні: причини та наслідки / редкол. В. А. Смолій; відповід. ред. В. М. Литвин. К.: Наукова думка, 2003. – 888 с.

15.Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики / Миллер, А. И., Ефременко, Д. В. (ред.). Методологические вопросы изучения политики памяти. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. – С. 285–312.

16.Закон України «Про Голодомор 1932-1933 років в Україні» від 28 листопада 2006 року N 376-V // Відомості Верховної Ради України (ВВР), 2006, N 50, ст.504.

17.Штомпка Петр. Культурная травма в посткоммунистическом обществе. Статья вторая. Социологические исследования. – 2001. – № 2. – С. 3–12.

18.Культура історичної пам'яті: європейський та український досвід / [Ю. Шаповал та ін.]; НАН України, Ін-т політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса. Київ: ІПіЕНД ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2013. – 598 с.

19.Rudling, Per A. Tarnished Heroes: The Organization of Ukrainian Nationalists in the Memory Politics of Post-Soviet Ukraine. Ibidem-Verlag, 2024. – 478 p.

20.Касьянов Г.В. Украина и соседи: историческая политика. 1987-2018. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. – 625 с.

Макарова Елена Ивановна, *к. экон. н., доц., заведующий кафедрой государственного управления ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.*
SPIN-код: 9387-6823
E-mail*:* 32oklena@rambler.ru

Татаринов Игорь Евгеньевич*, к. ист. н., доц., ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск.*
SPIN-код: 6080-2614
E-mail*: Igortatarinov76@gmail.com*

Makarova E.I., Tatarinov I.E.

FEATURES OF THE FORMATION OF STATE HISTORICAL POLICY IN UKRAINE IN THE 1990s – EARLY 2000s

The article examines the processes of formation of state historical policy in Ukraine during the 1990s – early 2000s. This process took place amid the search for a new national identity and was marked by deep contradictions. While during the presidency of L. Kravchuk (1991–1994) a course was adopted toward the "nationalization" of historical memory and symbolic distancing from the Soviet past, the policy under President L. Kuchma (1994–2004) was characterized by maneuvering between pro-Western and pro-Russian sentiments in society. This period was marked by a combination of an emerging national historical narrative and the continued persistence of Soviet discourses in Ukraine. The key instruments for implementing this policy included the creation of new state symbols, the revision of school textbooks, and the institutionalization of memory through the activities of supreme state bodies. The authors conclude that all attempts to develop a unified historical narrative capable of consolidating Ukraine's diverse society proved unsuccessful during that period.

Keywords: *politics of memory, state historical policy, identity, victimization, Ukraine, Russian Federation.*

Makarova Elena Ivanovna*, Candidate of Economic Sciences, Assoc. Prof., the Chief of Department of Public Administration, of the Lugansk State University named after V. Dahl.*
SPIN-код: *9387-6823*
E-mail*:* 32oklena@rambler.ru

Tatarinov Igor Evgenyevich*, Assoc. Prof.,Candidate of Historical Sciences of the Lugansk State University named after V. Dahl.*
SPIN-код*: 6080-2614*
E-mail*: Igortatarinov76@gmail.com*

Статья поступила в редакцию 22.04. 2026 г.

УДК 323.172

Проскурина Е.А.

ПОСТСОВЕТСКАЯ ЕВРАЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗЛОМА: ПРОБЛЕМА «ЭЛИТНОГО КОНСЕНСУСА» И ОЛИГАРХИЧЕСКИХ КЛАНОВ В НОВЫХ ГОСУДАРСТВАХ

В статье исследуется постсоветская Евразия как зона геополитического разлома, где устойчивость новых государств зависит от конфигурации правящих групп, характера элитного согласования и влияния кланово-олигархических сетей. Актуальность темы связана с усилением внешней конкуренции за регион, ослаблением прежних интеграционных форматов и внутренней перестройкой механизмов власти. Научная новизна состоит в трактовке «элитного консенсуса» как подвижного соглашения о распределении доступа к политическим решениям, экономическим ресурсам и внешнеполитическим ориентирам. Цель статьи – выявить, как элитные договоренности и олигархические кланы воздействуют на политическую устойчивость постсоветских государств. Использованы анализ научных публикаций, сравнительный анализ, классификация, синтез и логико-аналитический метод. Источниковую базу составили русскоязычные исследования 2021–2025 гг., посвященные постсоветской Евразии, Центральной Азии, политическим кланам, патрональным режимам и внешнему влиянию. Практическая полезность результатов связана с уточнением критериев оценки политической устойчивости новых государств.

Ключевые слова: *постсоветская Евразия, геополитический разлом, элитный консенсус, олигархические кланы, патрональные сети, политические элиты, Центральная Азия, внешнее влияние, государственная устойчивость, постсоветские режимы.*

Актуальность. Актуальность темы определяется тем, что постсоветская Евразия после распада СССР не превратилась в однородное политическое пространство. Новые государства сохранили общую институциональную память, сходные траектории приватизации, персонализированные модели власти и зависимость политической устойчивости от неформальных договоренностей внутри правящих групп. При этом регион всё сильнее вовлекается в конкуренцию внешних центров силы, где внутренние элитные конфигурации приобретают значение самостоятельного фактора внешнеполитического выбора.

Цель исследования состоит в выявлении связи между элитным консенсусом, кланово-олигархическими структурами и устойчивостью новых государств постсоветской Евразии в условиях геополитического разлома.

Для достижения цели поставлены задачи:

1) раскрыть содержание понятия «элитный консенсус» применительно к постсоветским политическим системам;

2) выявить функции олигархических и клановых групп в механизмах власти новых государств;

3) определить, как внешняя конкуренция воздействует на внутреннее согласование элит и устойчивость политических режимов.

Объект исследования. Политические процессы и элитные сообщества, действующие на пространстве постсоветской Евразии. Их анализ проводится с учётом глобального геополитического раскола, который определяет текущую динамику в этом регионе.

Предмет исследования. Взаимосвязь между внутриэлитными конфликтами (отсутствием «элитного консенсуса»), деятельностью олигархических кланов и выбором внешнеполитической стратегии указанными государствами в условиях давления со стороны основных геополитических центров (ЕС, НАТО, Россия, Китай).

Научная новизна исследования заключается в том, что элитный консенсус рассматривается не как формальное согласие правящих групп, а как механизм согласования доступа к ресурсам, административным позициям, силовым инструментам, информационным каналам и внешним партнерам.

Материалы и методы. Материалы исследования представлены работами, раскрывающими политическую динамику постсоветской Евразии и механизмы элитного воспроизводства. В.А. Аватков и Д.Г. Евстафьев [1] анализируют постсоветскую Евразию через призму глобальных процессов, институциональной фрагментации и дилемм российской политики; в другой работе этих авторов [2] акцент сделан на управленческих трудностях региона в период глобальных трансформаций; их последующее исследование [3] раскрывает связь постсоветской Евразии с глобальным институциональным кризисом. В.А. Аватков и А.Р. Ерманалиева [4] рассматривают Казахстан как площадку пересечения интересов России, Китая, США и Турции. Монография под редакцией Б.П. Гуселетова [5] задает широкий исследовательский фон, описывая постсоветское пространство между европейским и азиатским направлениями развития. Д.А. Журавлев [6] исследует природу политических кланов и их воздействие на государственную устойчивость. И.Ж. Искаков [7] связывает трансформацию политического ландшафта Евразии с приходом нового поколения политических акторов. В.В. Комлева [8] раскрывает механизм элитообразования в Центральной Азии через патрон-клиентские отношения, кланы, демографические сдвиги и внешние влияния. Д.А. Кудряшова [9] анализирует влияние Запада на постсоветское пространство через изменение культурного кода. А.В. Соболева и И.С. Григорьев [10] изучают цветные революции как следствие разобщения элит в патрональных политических режимах.

Методическую основу составили анализ научных публикаций, сравнительный анализ, классификация, логико-аналитический анализ, синтез и обобщение. Эти методы использованы для разграничения формального институционального уровня, неформальных элитных соглашений, кланово-олигархических сетей и внешнеполитических факторов, влияющих на устойчивость постсоветских государств.

Результаты. Постсоветская Евразия сохраняет признаки общего историко-политического происхождения, но внутри нее заметно усилилась фрагментация траекторий развития. В исследованиях В.А. Аваткова и Д.Г. Евстафьева регион описан как пространство, втянутое в глобальные процессы перераспределения политического, экономического и институционального влияния [1]. Для темы элитного консенсуса особенно значимо, что разлом проходит не только по внешнеполитическим линиям ориентации, но и по внутренним механизмам согласования власти. Там, где формальные институты не закрепляют устойчивые правила политической конкуренции, нагрузка переносится на неформальные соглашения между правящими группами, силовыми структурами, крупным бизнесом и региональными сетями влияния.

Элитный консенсус в новых государствах постсоветской Евразии целесообразно понимать, как соглашение о пределах конкуренции внутри правящего слоя. Его предметом выступает доступ к административным должностям, приватизированным активам, бюджетным потокам, силовым ресурсам, медиаканалам и внешним партнерам. Такой консенсус редко оформляется публично; он проявляется через кадровые балансы, распределение экономических преимуществ, допустимые границы оппозиционной активности и признание центрального арбитра. В работах о постсоветской Евразии подчеркивается, что управляемость региона всё чаще зависит от институциональной способности государств

удерживать внутреннюю согласованность при растущем внешнем давлении [2].

Олигархические кланы в этой системе выполняют функцию посредников между экономическим ресурсом и политическим решением. Д.А. Журавлев связывает политические кланы с устойчивостью государственности через механизмы групповой солидарности, закрытого доступа и воспроизводства влияния [6]. В постсоветских условиях такая структура опирается на приватизационное происхождение крупных капиталов, административную защиту собственности, персональные связи и контроль над секторами экономики. Кланово-олигархическая группа способна поддерживать политическую стабильность, когда признает верховный центр согласования; при нарушении баланса она превращается в источник внутривластного конфликта.

Патрональная логика власти объясняет, почему формальные институты в ряде постсоветских государств не полностью отражают реальные правила политического процесса. А.В. Соболева и И.С. Григорьев связывают устойчивость и изменчивость режимов на постсоветском пространстве с отступничеством элит, возникающим в критические моменты смены власти или ослабления инкумбента [10]. Из этого следует, что протестная мобилизация приобретает политический эффект только при наличии трещин внутри правящего слоя. Массовое недовольство создает давление, но переход к смене режима чаще происходит тогда, когда часть элит перестает считать прежний центр гарантом своих интересов.

Центральноазиатские государства дают особенно показательный материал для анализа элитного консенсуса. В.В. Комлева рассматривает элитообразование в странах Центральной Азии через патрон-клиентские отношения и кланы, указывая на значение демографических процессов, смены поколений, внешних влияний, гражданского сектора и имитационно-имиджевых моделей

элитности [8]. В этих условиях консенсус удерживается не только за счет вертикали власти, но и через баланс региональных, родственных, бюрократических и экономических групп. Новое поколение элит способно менять язык легитимации, но сама логика доступа к ресурсам сохраняет высокую зависимость от патрональных связей.

Казахстан занимает особое место, поскольку внутренняя элитная архитектура там связана с конкуренцией нескольких внешних акторов. В.А. Аватков и А.Р. Ерманалиева описывают Казахстан как центр столкновения интересов России, Китая, США и Турции на постсоветском пространстве [4]. Для проблемы элитного консенсуса этот пример показывает, что внешняя многовекторность не сводится к дипломатической тактике. Она влияет на внутреннее распределение возможностей между группами, ориентированными на разные экономические, транспортные, культурные и информационные связи. В такой ситуации устойчивость политической системы зависит от способности центра не допустить превращения внешних ориентаций во внутриклановый конфликт.

И.Ж. Искаков связывает трансформацию политического ландшафта Евразии с приходом нового поколения политических акторов, изменением политических реалий в Центральной Азии и развитием межгосударственных, межэтнических и межконфессиональных отношений [7]. Этот тезис уточняет понимание элитного консенсуса: он не закреплен раз и навсегда, поскольку состав элит меняется под влиянием образования, урбанизации, транснациональных коммуникаций, миграции и новых карьерных траекторий. Прежние кланы сохраняют влияние, но сталкиваются с группами, чей социальный капитал возник уже после советского периода.

Внешнее влияние усиливает напряжение между суверенным выбором государства и зависимостью элит от международных

ресурсов. Д.А. Кудряшова анализирует влияние Запада на постсоветское пространство как поступательное движение по смене культурного кода [9]. В рамках рассматриваемой темы этот вывод важен тем, что внешнее воздействие адресовано не только государственным институтам, но и группам, производящим смысловые рамки политики: экспертным сетям, медиа, образовательным структурам, неправительственному сектору. Через эти каналы меняется язык легитимации элит, а вместе с ним – границы допустимого консенсуса.

Монография под редакцией Б.П. Гуселетова задает более широкий ракурс: постсоветское пространство помещается между европейским и азиатским направлениями развития [5]. Такое положение усиливает неоднозначность элитных договоренностей. Одни группы связывают устойчивость с участием в евразийских форматах, другие ориентируются на европейские институциональные стандарты или азиатские модели развития. В результате консенсус элит часто строится не вокруг общей идеологии, а вокруг прагматического распределения выгод и рисков. Геополитический разлом делает этот баланс менее предсказуемым.

Глобальный институциональный кризис усиливает значение внутренней согласованности правящих групп. В.А. Аватков и Д.Г. Евстафьев показывают, что постсоветская Евразия оказывается в зоне давления, связанного с изменением прежней архитектуры международных отношений [3]. На уровне новых государств это проявляется в том, что элиты вынуждены одновременно решать задачи внутреннего удержания власти, внешней адаптации и защиты экономических каналов. Чем выше зависимость элит от внешних рынков, транспортных коридоров, финансовых потоков и информационных платформ, тем сложнее удерживать единый центр принятия решений.

Следовательно, элитный консенсус в постсоветской Евразии имеет двойственную природу. С одной стороны, он снижает вероятность открытого конфликта внутри правящего слоя и поддерживает управляемость. С другой стороны, он часто блокирует институциональное обновление, поскольку сохраняет закрытый доступ к ресурсам и закрепляет неравенство политических возможностей. Олигархические кланы в такой системе выступают не пережитком раннего постсоветского периода, а устойчивым элементом политической архитектуры там, где собственность, власть и внешние связи сохраняют персонализированный характер.

Обсуждение. Полученные положения позволяют рассматривать элитный консенсус как неформальный механизм управления политической неопределенностью. Его нельзя сводить к идейному единству правящего слоя. В постсоветских государствах он чаще строится на взаимном признании зон влияния, допустимых границ конкуренции и порядка распределения ресурсов. Такая договоренность стабилизирует систему до тех пор, пока участники считают ее выгоднее открытого конфликта.

Проблема кланово-олигархических групп состоит в том, что они одновременно укрепляют и ограничивают государственную устойчивость. Их участие в распределении ресурсов позволяет правящему центру удерживать лояльность значимых групп, но такая конструкция плохо совместима с равным доступом к политике и экономике. Чем выше значение неформального посредничества, тем слабее предсказуемость институтов для акторов, не входящих в правящий круг.

Сопоставление подходов показывает различие между исследованиями, ориентированными на геополитическую макродинамику, и работами, посвященными внутренней структуре власти. Первая линия объясняет, почему постсоветская Евразия втягивается в конкуренцию внешних сил. Вторая показывает, за счет

каких внутренних механизмов государства реагируют на давление. Их соединение позволяет точнее объяснить, почему одни режимы сохраняют управляемость при внешнем давлении, а другие сталкиваются с расколом элит.

Ограничение применимости выводов связано с неоднородностью постсоветского пространства. Центральная Азия, Южный Кавказ, Восточная Европа и Россия имеют разные режимные конфигурации, экономические структуры и исторические траектории. Универсальная модель элитного консенсуса здесь непродуктивна. Более точным выглядит подход, при котором выделяются типы согласования: президентско-патрональный, кланово-региональный, олигархически-конкурентный и бюрократически-централизованный.

Исследовательская лакуна сохраняется в вопросе эмпирического измерения неформальных элитных соглашений. Публичные данные редко раскрывают реальные каналы влияния, структуру собственности, личные связи и неформальные обязательства. Поэтому анализ часто вынужден опираться на косвенные признаки: кадровые перестановки, изменение доступа к активам, медиаподдержку, внешнеполитические сигналы и поведение элит в кризисные периоды.

Особого внимания заслуживает смена поколений элит. Новые группы получают образование, карьерный опыт и символический капитал уже после распада СССР. Они могут использовать иной язык политической легитимации, но их включение в управленческие контуры нередко проходит через старые патрональные каналы. Отсюда возникает напряжение между обновлением кадрового состава и сохранением прежней логики власти.

Геополитический разлом усиливает значение элитного консенсуса, поскольку внешние акторы получают возможность работать с внутренними группами влияния через экономику,

образование, медиа, инфраструктуру и экспертные сети. Для государства риск состоит не в самом наличии внешних связей, а в их превращении в инструмент внутриполитической конкуренции. Устойчивость зависит от того, способен ли политический центр согласовывать эти связи без разрушения внутреннего баланса.

Выводы. Установлено, что элитный консенсус в постсоветских государствах представляет собой неформальное соглашение о правилах доступа к власти, собственности, административным ресурсам и внешним каналам влияния. Его устойчивость зависит от способности правящего центра сохранять баланс между политическими, бюрократическими, силовыми, региональными и экономическими группами.

Выявлено, что олигархические и клановые структуры выполняют посредническую функцию между ресурсами и политическими решениями. Они поддерживают управляемость, когда встроены в общую систему согласования, но становятся источником нестабильности при нарушении распределительного баланса или ослаблении арбитражной позиции центра.

Определено, что геополитический разлом повышает нагрузку на внутренние механизмы согласования элит. Внешняя конкуренция за постсоветскую Евразию воздействует на правящие группы через экономические интересы, информационные каналы, культурные проекты и инфраструктурные связи. Поэтому политическая устойчивость новых государств зависит не только от формальных институтов, но и от качества неформального элитного согласования.

Список литературы

1. Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в зеркале глобальных процессов: ключевые тенденции развития и дилеммы российской политики // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2023. № 2 (109). С. 151–165. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-109-2-151-165.

2. Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в эпоху глобальных трансформаций: вызов институциональности и управления // Россия и современный мир. 2023. № 3 (120). С. 58–71. DOI: 10.31249/rsm/2023.03.04.

3. Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия и глобальный институциональный кризис // Россия и современный мир. 2024. № 3 (124). С. 42–58. DOI: 10.31249/rsm/2024.03.03.

4. Аватков В.А., Ерманалиева А.Р. Казахстан как центр столкновения интересов глобальных игроков на постсоветском пространстве: России, Китая, США и Турции // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7, № 1. С. 9–19. EDN: IRBEQI.

5.Гуселетов Б.П. и др. Постсоветское пространство: между Европой и Азией: монография / отв. ред. Б.П. Гуселетов. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 187 с.

6. Журавлев Д.А. Политические кланы – антология развития, влияние на государственную стабильность // Власть. 2023. Т. 31, № 2. С. 85–94. DOI: 10.31171/vlast.v31i2.9543.

7. Искаков И.Ж. О новых аспектах трансформации политического ландшафта Евразии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 4 (81). С. 161–171. DOI: 10.54398/1818-510X.2024.81.4.015.

8. Комлева В.В. Элитообразование в странах Центральной Азии // Власть. 2025. Т. 33, № 3. С. 153–165.

9. Кудряшова Д.А. Влияние Запада на постсоветское пространство: поступательное движение по смене культурного кода // Ближний и Постсоветский Восток. 2023. № 1 (1). С. 113–128. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.07.

10.Соболева А.В., Григорьев И.С. «Цветные революции» на постсоветском пространстве: стабильность и изменчивость режима как следствие отступничества элит // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2021. Т. 15, № 4. С. 36–48.
DOI: 10.17072/2218-1067-2021-4-36-48.

***Проскурина Елена Александровна**, доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления Луганского государственного университета им. В. Даля, г. Луганск.*
SPIN-code: 4692-2397
***E-mail:** plamenik48@gmail.com*

Proskurina E. A.

POST-SOVIET EURASIA IN THE CONTEXT OF A GEOPOLITICAL FRACTURE: THE PROBLEM OF "ELITE CONSENSUS" AND OLIGARCHIC CLANS IN NEW STATES

This article examines post-Soviet Eurasia as a geopolitical rift zone, where the stability of new states depends on the configuration of ruling groups, the nature of elite coordination, and the influence of clan-oligarchic networks. The relevance of this topic is due to intensifying external competition for the region, the weakening of previous integration formats, and the internal restructuring of power mechanisms. The scientific novelty lies in the interpretation of "elite consensus" as a fluid agreement on the distribution of access to political decisions, economic resources, and foreign policy guidelines. The aim of the article is to identify how elite agreements and oligarchic clans influence the political stability of post-Soviet states. The study utilized an analysis of scientific publications, comparative analysis, classification, synthesis, and a logical-analytical method. The source base consisted of Russian-language studies from 2021–2025 on post-Soviet Eurasia, Central Asia, political clans, patronal regimes, and external influence. The practical utility of the results lies in the refinement of criteria for assessing the political stability of new states.

Key words: *post-Soviet Eurasia, geopolitical rift, elite consensus, oligarchic clans, patronal networks, political elites, Central Asia, external influence, state stability, post-Soviet regimes.*

Proskurina Elena Aleksandrovna*, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Administration Vladimir Dahl Luhansk State University, Lugansk.*
SPIN-code: 4692-2397
E-mail: *plamenik48@gmail.com*

Статья поступила в редакцию 21.05.2026.

УДК 324

Проценко А.В., Савченко Н.Н.

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ ВО ВРЕМЯ ВЫБОРНЫХ КАМПАНИЙ В ЛНР: ОПЫТ 2022–2026 ГГ.

В статье рассматривается процесс управления электоральными рисками в Луганской Народной Республике в период интеграции региона в избирательную систему Российской Федерации (2022–2026 гг.). На основе анализа нормативных правовых актов, аналитических докладов Центра общественно-политических проектов и коммуникаций, эмпирических данных и материалов региональных СМИ выявляются ключевые категории рисков: риски безопасности, информационно-коммуникационные, организационно-правовые и риски легитимности. Автор приходит к выводу, что к 2026 году в ЛНР сформировалась гибридная модель управления электоральными рисками, сочетающая централизованные федеральные механизмы обеспечения безопасности с региональными практиками общественного наблюдения и адресного информирования избирателей. Особое внимание уделяется роли Штаба общественного наблюдения как ключевого института минимизации рисков делегитимации выборов. Научная новизна исследования состоит в расширении классической типологии электоральных рисков за счёт включения категории «рисков безопасности» и обосновании модели гибридного риск-менеджмента применительно к экстремальным условиям.

Ключевые слова: *управление рисками, избирательная кампания, ЛНР, электоральные риски, общественное наблюдение, военное положение, интеграция новых регионов, информационные угрозы, электоральный суверенитет.*

Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления уникального опыта управления электоральными рисками, накопленного в новых регионах России. Этот опыт имеет не только региональное, но и общенаучное значение, поскольку позволяет уточнить существующие модели риск-менеджмента в избирательном процессе применительно к экстремальным условиям. Избирательные кампании на территориях, находящихся в зоне активных боевых действий, представляют собой особый класс электоральных процессов, где классические риски политической конкуренции переплетаются с угрозами физической безопасности, информационными атаками и правовой неопределённостью. Луганская Народная Республика, вошедшая в состав Российской Федерации в октябре 2022 года на основании Федерального конституционного закона № 6-ФКЗ [1], прошла за четыре года путь от первых муниципальных кампаний 2023 года до полноценного участия в выборах депутатов Государственной Думы IX созыва в сентябре 2026 года. Этот путь сопровождался непрерывным поиском баланса между реализацией избирательных прав граждан и обеспечением их безопасности в условиях военного положения.

Степень разработанности проблемы. В политологической литературе управление рисками в избирательных кампаниях традиционно рассматривается через призму политического менеджмента. Н.С. Федоркин определяет риски избирательной кампании как «вероятность возникновения неблагоприятных последствий в результате взаимодействия субъектов электорального процесса в условиях конкурентной среды» [2]. Исследователь выделяет внутренние риски (связанные с организацией кампании, действиями команды, ресурсным обеспечением) и внешние риски (обусловленные действиями конкурентов, изменениями правовой среды, информационными угрозами).

Е.С. Викторович предлагает рассматривать управление электоральными рисками как компонент системы государственного управления политическим рынком, подчёркивая необходимость прогностического подхода [3]. Этот тезис представляется продуктивным для анализа ЛНР, где управление рисками приобрело черты централизованно координируемой системы, интегрированной в общероссийский контур обеспечения избирательных прав.

Вместе с тем, применительно к условиям ЛНР эта классификация требует расширения. Во-первых, в новых регионах к внешним рискам добавляется фактор вооружённого конфликта, создающий угрозы физической безопасности участников избирательного процесса. Во-вторых, специфическим является риск «правовой неопределённости» переходного периода, связанный с необходимостью синхронизации регионального законодательства с федеральным. В-третьих, существенную роль играет риск делегитимации выборов через внешние информационные атаки, направленные на дискредитацию результатов голосования. Именно эти «белые пятна» и составляют предмет настоящего исследования.

Объект исследования – система управления рисками в избирательном процессе Луганской Народной Республики.

Предмет исследования – механизмы идентификации, оценки и минимизации электоральных рисков в условиях военного положения и интеграции региона в правовое поле Российской Федерации.

Цель работы – выявить и систематизировать риски, сопровождавшие избирательные кампании в ЛНР в 2022–2026 годах, а также оценить эффективность институциональных механизмов их минимизации.

Методологическая база. Исследование построено на кейс-стади-методологии с использованием комплекса качественных и количественных методов. Эмпирическую базу составили

нормативные правовые акты (Федеральный конституционный закон № 6-ФКЗ, постановления ЦИК России), аналитические доклады Центра общественно-политических проектов и коммуникаций, эмпирические данные ГАС «Выборы», материалы Избирательной комиссии ЛНР, Штаба общественного наблюдения ЛНР, публикации в региональных СМИ. Методологическую основу составили системный подход, позволяющий рассматривать управление рисками как целостную систему взаимодействия федеральных и региональных институтов, а также ситуационный анализ, предполагающий учёт специфики конкретной электоральной ситуации.

Результаты исследования. В научной литературе риск определяется как «сочетание вероятности события и его последствий» (ISO/IEC Guide 73) [4]. Применительно к избирательному процессу под электоральным риском понимается вероятность наступления неблагоприятных последствий, способных повлиять на ход или результаты выборов, а также на легитимность избирательного процесса в целом.

Управление рисками включает в себя комплекс процессов, связанных с идентификацией, анализом рисков и принятием решений, которые включают максимизацию положительных и минимизацию отрицательных последствий наступления рисковых событий. Процесс управления рисками проекта обычно включает выполнение таких операций:

– планирование управления рисками (выбор подходов и планирование деятельности по управлению рисками проекта для данной организации);

– идентификация рисков (определение рисков, способных повлиять на проект, и определение характеристик риска);

– качественная оценка рисков (качественный анализ рисков и условий их возникновения с необходимостью нахождения всех вариации влияния рисках на успех проекта);

– количественная оценка (количественный анализ вероятности возникновения и влияния последствий рисков на проект);

– планирование реагирования на риски (поиск решений по устранению негативных условий и благоприятному использованию найденных преимуществ);

– мониторинг и контроль рисков (мониторинг рисков, определение остающихся рисков, выполнение плана управления рисками проекта и оценка эффективности действий по минимизации рисков).

Стандарты управления рисками, такие как FERMA, PMBOK, AS/NZS 4360:2004, предлагают универсальные модели риск-менеджмента, включающие идентификацию, анализ, оценку, реагирование, мониторинг и контроль [2]. Однако их применение в условиях вооружённого конфликта требует существенной адаптации.

В научной дискуссии сложились два подхода к управлению электоральными рисками. Сторонники первого (Н.С. Федоркин, Е.С. Викторович) акцентируют внимание на прогностической функции риск-менеджмента, предполагающей выявление и нейтрализацию угроз на ранних стадиях [2; 3]. Сторонники второго (А.Н. Г.Ю. Кулик, Павлов) делают акцент на институциональных механизмах реагирования, рассматривая риск-менеджмент как элемент системы государственного управления [5; 6].

В данном исследовании мы разделяем позицию, согласно которой эффективность управления электоральными рисками в экстремальных условиях достигается не путём устранения рисков (что объективно невозможно), а путём их институционализации – создания устойчивых механизмов, позволяющих минимизировать негативные последствия и обеспечить реализацию избирательных прав граждан даже в условиях военного положения. Именно этот подход, как будет показано далее, реализуется в ЛНР.

На основе синтеза существующих классификаций и с учётом специфики ЛНР предложена расширенная типология электоральных рисков, включающая четыре категории: риски безопасности, информационно-коммуникационные риски, организационно-правовые риски и риски легитимности.

Наиболее очевидной первой категорией рисков в условиях ЛНР являются угрозы физической безопасности участников избирательного процесса. Особенностью характера рисков и угроз при проведении как первых муниципальных выборов в ЛНР во время хода ЕДГ 10 сентября 2023 г. так и последующих президентских в 2024 г. была фактическая близость фронта боевых действий во время проведения СВО, а также угрозы со стороны украинских спецслужб и ВСУ. Их деятельность и преступные акции были направлены на то, чтобы помешать проведению волеизъявления граждан России на новых территориях, включенных после проведения соответствующих референдумов в сентябре 2022 г. ЛНР находится в условиях военного положения более десяти лет, и, как отмечает председатель Избирательной комиссии ЛНР М. Сумская, «члены избирательных комиссий всех уровней имеют значительный опыт организации и проведения выборов при возникновении внешних угроз, включая угрозы с применением беспилотных летательных аппаратов, и иные террористические проявления» [7].

Таким образом помимо угроз технологического характера, вопросов соблюдения участниками избирательного процесса избирательного законодательства, обеспечения демократичности и прозрачности выборов, обеспечения общественного наблюдения за процессом голосования и вызовов, связанных с обеспечением максимального доступа и удобства граждан к голосованию, специфика выборов в ЛНР характеризуется приоритетом нивелирования, предупреждения и предотвращения рисков и угроз,

связанных с обеспечением безопасности процесса волеизъявления, защитой граждан, субъектов избирательного процесса и членов ТИК, УИК и ИК от вооруженных посягательств, провокаций и терактов.

Всего в этом контексте можно выделить следующие типы рисков и угроз:

1) Связанные с непосредственной угрозой жизни граждан, субъектов избирательного процесса и членов избирательных комиссий.

2) Риски, связанные с трудностями организации процесса голосования и обеспечения полноценной реализации электоральных прав гражданам, проживающим в непосредственной близости от линии боевого соприкосновения.

3) Риски, связанные с возможными ограничениями в избирательных правах ввиду неполного получения жителями ЛНР, в особенности освобожденных территорий, паспортных документов РФ.

4) Риски, связанные с обеспечением возможности проголосовать военнослужащим.

5) Риски, связанные с обеспечением прозрачности и международным признанием результатов выборов за пределами РФ.

6) Риски, связанные с противодействием провокациям на территории избирательных участков.

7) Риски, связанные с противодействием недостоверной и провокационной информации в сети интернет, с DDOS-атаками на цифровую инфраструктуру выборов.

8) Риски, связанные с функциональной готовностью и уровнем компетенции членов избирательных комиссий.

В ходе предотвращения и управления данными рисками и угрозами были приняты ряд мер и комплексных мероприятий.

Во-первых, для обеспечения безопасности граждан, недопущению их концентрации на избирательных участках, а также для обеспечения более полноценного доступа к избирательному праву на выборах применялся 3-дневный срок проведения голосования на основании законопроекта № 47830-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8]

Во-вторых, в ходе подготовки к выборам в Единый день голосования 8–10 сентября 2023 года были реализованы беспрецедентные меры безопасности. Более 2000 правоохранителей и силовиков обеспечивали безопасность голосования. Избирательные участки охранялись росгвардейцами и полицией, осуществлялась круглосуточная охрана членов избирательных комиссий, были размещены рамки металлодетекторов, проработаны вопросы эвакуации и предусмотрены резервные помещения [9].

Также шагом для минимизации рисков и угроз в этом направлении стало организация досрочного голосования жителей Республики на выборах во время проведения ЕДГ в 2023 г. и выборах Президента Российской Федерации в 2024 г.

Тем не менее, полностью исключить риски не удалось. Во время второго дня голосования 9 сентября 2023 года в ЛНР поступали ложные сообщения о минировании избирательных участков [10]. Однако благодаря слаженной работе правоохранительных органов и участковых избирательных комиссий избирательный процесс не пострадал.

На выборах Президента Российской Федерации в марте 2024 года риски безопасности сохранились. Как отмечал Глава ЛНР Леонид Пасечник, «мы понимаем, что украинские нацисты будут пытаться любыми способами устроить провокации и дискредитировать, сорвать выборы на нашей территории. Мы должны предусмотреть абсолютно все моменты» [11].

Второй значимой категорией рисков являются информационные атаки, направленные на дискредитацию выборов. Как отмечает сенатор Д. Лантратова, «все предыдущие избирательные кампании представители Киева разбрасывали листовки с призывами к россиянам не ходить на выборы, наклеивали угрозы на дверях домов членов избиркомов, распространяли самые разные фейки» [12].

Специфика информационных рисков в ЛНР определяется целенаправленной внешней стратегией дестабилизации. В официальном заявлении Службы внешней разведки России подчеркивается, что «в Европе в преддверии выборов в Госдуму в РФ поставили перед собой двоякую задачу: помешать нормальному электоральному процессу и дискредитировать результаты голосования на всех уровнях» [13].

В подтверждение опасений стоит привести цитату Президента РФ Владимира Путина, который на совещании по вопросам безопасности предстоящих выборов заявил: *«Те силы, которые отрицают историческое право Донбасса и Новороссии на присоединение к России, предпримут попытки сорвать процесс голосования на выборах 2026 года в этих регионах»* [14].

В ходе кампаний 2023–2024 годов были зафиксированы DDoS-атаки хакеров на телекоммуникационные сети республиканских интернет-провайдеров, которые оперативно сдерживались специалистами ЛНР совместно с Минцифры и органами государственной безопасности [15].

Третья категория рисков связана с интеграцией ЛНР в правовое поле Российской Федерации. Переходный период 2022–2026 годов потребовал последовательной синхронизации регионального избирательного законодательства с федеральными нормами.

Существенным организационным риском стала необходимость обеспечения избирательных прав граждан, не получивших паспорта Российской Федерации. Для нейтрализации этого риска

Постановлением Избирательной комиссии ЛНР от 21.06.2023 № 8/81-1 был утверждён расширенный перечень документов, дающих право участвовать в голосовании: паспорт гражданина Российской Федерации, паспорт ЛНР, паспорт гражданина Украины с отметкой о регистрации по месту жительства на территории ЛНР не позднее 30.09.2022, военный билет, удостоверение личности офицера и иные документы, выданные уполномоченным органом [16]. Этот особый перечень документов, позволяющий участвовать в голосовании, послужил важным инструментом для нейтрализации рисков ограничения граждан в избирательных правах.

Другим значимым организационным решением стало введение досрочного голосования. На выборах Президента Российской Федерации в марте 2024 года досрочное голосование проходило с 11 по 14 марта на отдельных территориях ЛНР с использованием дополнительных форм голосования - избиратели смогли проголосовать на придомовых территориях и в иных местах, где невозможно оборудовать избирательный участок, а также на территориях, транспортное сообщение с которыми затруднено. В итоге явка на досрочном голосовании по ЛНР составила 18,52% [17].

Данные вопросы и процедуры были утверждены Постановлением от 31.08.2023 № 23/210-1 «О внесении изменений в постановление Избирательной комиссии Луганской Народной Республики от 14 августа 2023 года № 20/173-1 «О проведении досрочного голосования избирателей на избирательных участках, расположенных в труднодоступных или отдаленных местностях, на выборах депутатов Народного Совета Луганской Народной Республики первого созыва» и Постановлением от 13.02.2024 № 45/379-1 «О проведении досрочного голосования отдельных групп избирателей, находящихся в труднодоступных или значительно удаленных от помещения для голосования местах, транспортное сообщение с которыми отсутствует или затруднено, на выборах

Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 года» [17].

Для снижения рисков, связанных с безопасностью и доступностью голосования, активно применялся механизм «Мобильный избиратель», позволяющий избирателю проголосовать по месту нахождения [18]. Механизм «Мобильный избиратель» дает возможность избирателю проголосовать, если место его нахождения в день голосования не совпадает с местом его регистрации

Наиболее сложной категорией рисков являются угрозы легитимности выборов. Внутрирегиональная легитимность обеспечивается через механизмы общественного наблюдения и конкурентность избирательного процесса. Ключевым институтом минимизации рисков легитимности стал Штаб общественного наблюдения. Так, в 2026 году было подготовлено около тысячи независимых наблюдателей, обучение организовано по стандарту Ассоциации «Независимый общественный мониторинг». В структуру штаба вошли пять групп: мониторинговая, мобильная юридическая, информационная, группа подготовки и координации наблюдателей, экспертная группа [19].

К 2026 году система управления электоральными рисками в ЛНР претерпела существенную трансформацию. Наиболее значимые изменения коснулись нормативно-правового регулирования. Ключевым институциональным решением стало принятие ЦИК России постановления от 24 июня 2026 года об особенностях подготовки и проведения выборов в период действия военного положения на части территории РФ [20]. Данное постановление предусматривает: возможность использования дополнительных форм голосования, приостановку избирательных процедур при возникновении угрозы безопасности, запрет на публикацию сведений о режиме работы комиссий в открытом доступе. Дополнительно 31 августа 2026 года ЦИК разрешил

относить освобождённые территории к труднодоступным и отдалённым местностям, что позволило применять особый порядок организации голосования [21].

Существенным изменением стала корректировка рисков безопасности в связи с участившимися атаками беспилотных летательных аппаратов. Как отметила М. Сумская, «вопросы обеспечения безопасности избирателей, членов избирательных комиссий и иных участников избирательного процесса на территории ЛНР находятся на постоянном контроле Избирательной комиссии ЛНР. В преддверии выборов депутатов Государственной Думы указанные вопросы будут тщательно проработаны с учетом складывающейся оперативной обстановки, в том числе в связи с участившимися атаками беспилотных летательных аппаратов» [7]. В ответ на это был реализован комплекс мер: регулярное обучение членов избирательных комиссий действиям в чрезвычайных ситуациях, взаимодействие с правоохранительными органами, обязательная охрана помещений для голосования, разработка планов эвакуации для каждого избирательного участка [7].

Риски легитимности в 2026 году также претерпели изменения. На территории ЛНР образовано два одномандатных избирательных округа – Луганский (№ 25) и Алчевский (№ 26). По каждому из них зарегистрированы кандидаты от всех пяти парламентских партий: «Единой России», КПРФ, ЛДПР, «Справедливой России» и «Новых людей». Нарушений требований законодательства при регистрации

Анализ эмпирических данных позволяет сделать вывод о формировании в ЛНР гибридной модели управления электоральными рисками, сочетающей централизованные федеральные механизмы с региональными практиками. Ключевыми элементами этой модели являются:

1. *Нормативно-правовой каркас*, созданный постановлениями ЦИК России об особенностях проведения выборов в условиях

военного положения, обеспечивающий гибкость процедур при сохранении их правовой определённости.

2. *Многоуровневая система безопасности*, включающая обучение членов комиссий, взаимодействие с правоохранительными органами, планирование эвакуации и ограничение публичного доступа к информации о работе комиссий.

3. *Проактивная информационная политика*, основанная на адресном информировании через «ИнформУИК» и оперативном опровержении фейков через экспертные группы Штаба общественного наблюдения.

4. *Институт общественного наблюдения*, обеспечивающий прозрачность процесса и формирующий доверие избирателей к результатам голосования.

Сравнение с данными доклада Центра общественно-политических проектов и коммуникаций подтверждает эффективность этой модели. Этап регистрации кандидатов в ЛНР прошёл без отказов, что соответствует общероссийской тенденции снижения числа отказов в регистрации с 8% в 2021 году до менее 1% в 2026 году [22]. Уровень конкуренции в одномандатных округах ЛНР (пять кандидатов на мандат) статистически в целом соответствует среднероссийским показателям.

Вместе с тем сохраняются и уязвимости. Отсутствие дистанционного электронного голосования на территории ЛНР ограничивает электоральные возможности отдельных групп избирателей. Запрет на публикацию сведений о работе комиссий, будучи мерой безопасности, одновременно снижает информационную прозрачность процесса, однако при этом направлен на минимизацию гораздо более общественно опасных рисков и снижение более конкретных террористических угроз.

Таким образом**,** опыт управления рисками в избирательных кампаниях в ЛНР в 2022–2026 годах представляет собой

уникальный кейс, имеющий как практическое, так и теоретическое значение. Практическое значение определяется возможностью экстраполяции выработанных механизмов на другие регионы, находящиеся в сходных условиях. Теоретическое значение состоит в расширении классической типологии электоральных рисков за счёт включения категории «рисков безопасности» и обосновании модели гибридного риск-менеджмента, сочетающего централизованное управление с институтами гражданского контроля.

Ключевой вывод исследования состоит в том, что эффективность управления электоральными рисками в условиях военного положения достигается не путём устранения рисков, так как это по понятным причинам объективно невозможно, а путём противодействия угрозам за счет институционализации процессов управления – создания устойчивых механизмов, позволяющих минимизировать негативные последствия и обеспечить реализацию избирательных прав граждан даже в экстремальных условиях. Опыт ЛНР демонстрирует, что такие механизмы могут быть созданы и успешно функционировать при наличии политической воли, правовой базы и развитой системы общественного контроля.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением долгосрочных эффектов применения гибридной модели управления рисками на электоральное поведение граждан, а также с компаративным анализом опыта ЛНР и других новых регионов Российской Федерации.

Список литературы

1. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428184/ (дата обращения: 05.09.2026).

2. Федоркин, Н. С. Управление рисками в избирательной кампании / Н. С. Федоркин // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. – 2016. – № 3. – С. 23–37.

3. Викторович, Е. С. Управление электоральными рисками как компонент системы государственного управления политическим рынком / Е. С. Викторович // Экономика и управление: социальный, экономический и инженерный аспекты : сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции, Брест, 2023 г. : в 2 ч. – Брест : БрГТУ, 2023. – Ч. 1. – С. 300–303.

4. ГОСТ Р ИСО 31000-2010. Менеджмент риска. Принципы и руководство : национальный стандарт Российской Федерации : издание официальное : утверждён и введён в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 21.12.2010 № 883-ст : введён впервые. – Москва : Стандартинформ, 2012.

5. Кулик, Г. Ю. Зарубежный опыт внедрения риск-менеджмента в государственное управление / Г. Ю. Кулик // Государственное управление. Электронный вестник. – 2013. – № 37. – С. 32-43.

6. Павлов, А. Н. Управление проектами на основе стандарта PMI PMBOK. Изложение методологии и опыт применения / А. Н. Павлов. – Москва : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. – 272 с.

7. Вопросы безопасности на выборах в Госдуму будут проработаны с учетом оперативной обстановки – Избирком ЛНР [Электронный ресурс] // Луганский информационный центр. – 2026. – 15 июня. – Режим доступа: https://lug-info.ru/news/voprosy-bezopasnosti-na-vyborah-v-gosdumu-budut-prorabotany-s-uchetom/ (дата обращения: 7.09.2026).

8. Законопроект № 47830-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Информационный ресурс Государственной Думы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/47830-6 (дата обращения: 10.09.2026).

9. Нарушений общественного порядка в ЛНР в дни выборов не зафиксировано – МВД // Луганский информационный центр. – 2023. – 10 сентября. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://lug-

info.ru/news/policiya-lnr-obespechivaet-sohrannost-byulletenej-s-momenta-okonchaniya-golosovaniya-mvd/ (дата обращения: 10.09.2026).

10.Ложные вызовы о минировании избирательных участков поступали на трех территориях ЛНР – избирком Луганский информационный центр. – 2023. – 10 сентября. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://lug-info.ru/news/lozhnye-vyzovy-o-minirovanii-izbiratel-nyh-uchastkov-postupali-na-treh-territoriyah-lnr-izbirkom/ (дата обращения: 12.09.2026)

11.Глава ЛНР оценил угрозу провокаций на выборах 10 сентября в республике [Электронный ресурс] // Известия. – 2023. – 2 августа. – Режим доступа: https://iz.ru/1552993/2023-08-02/glava-lnr-otcenil-ugrozu-provokatcii-na-vyborakh-10-sentiabria-v-respublike (дата обращения: 10.09.2026).

12.Сенатор Лантратова рассказала, как будут организованы выборы в ЛНР [Электронный ресурс] // Парламентская газета. – 2026. – 12 августа. – Режим доступа: : https://www.pnp.ru/politics/lantratova-rasskazala-kak-zhitelyam-lnr-progolosovat-v-drugikh-regionakh.html (дата обращения: 10.09.2026).

13.СВР: Запад поставил задачу помешать электоральному процессу в России [Электронный ресурс] // Парламенская газета. – 2026. – 31 августа. – : https://www.pnp.ru/politics/svr-zapad-postavil-zadachu-pomeshat-elektoralnomu-processu-v-rossii.html (дата обращения: 7.09.2026)

14.Путин: избирательной кампании в новых регионах попытаются помешать [Электронный ресурс] // Вести.ru. – 2026. – 28 апреля. – Режим доступа: https://www.vesti.ru/ns/putin-izbiratelnoj-kampanii-v-novykh-regionakh-popytayutsya-pomeshat (дата обращения: 10.09.2026).

15.Специалисты ЛНР продолжают сдерживать DDoS-атаку хакеров – Минцифры [Электронный ресурс]// Луганский информационный центр. – 2023. – 8 ноября. – Режим доступа: https://lug-info.ru/news/specialisty-lnr-prodolzhayut-sderzhivat-d-do-s-ataku-hakerov-mincifry/

16.Постановления Избирательной комиссии ЛНР. Сайт Избирательной комиссии ЛНР [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://lnr.izbirkom.ru/dokumenty-izbiratelnoy-komissii/postanovleniya/ (дата обращения: 12.09.2026).

17.В ЛНР явка на выборах президента РФ по итогам досрочного голосования составила 18,52% [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2024. – 15

марта. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/20240373 (дата обращения: 12.09.2026).

18.«Мобильный избиратель». Официальный сайт ЦИК РФ [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2023/mobilnii-izbiratel/ (дата обращения: 12.09.2026).

19.Общественный штаб подготовит около тысячи наблюдателей за выборами в Госдуму в ЛНР [Электронный ресурс] // Луганский информационный центр. – 2026. – 18 июня. – Режим доступа: https://lug-info.ru/news/specialisty-lnr-prodolzhayut-sderzhivat-d-do-s-ataku-hakerov-mincifry/ (дата обращения: 10.09.2026).

20.Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 24 июня 2026 г. № 10/100-9 "Об особенностях подготовки и проведения выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации девятого созыва и иных совмещенных с ними выборов, назначенных на 20 сентября 2026 года, в период действия военного положения на части территории Российской Федерации". Сайт ЦИК РФ [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_537647/ (дата обращения: 12.09.2026).

21.ЦИК разрешил относить освобожденные территории к труднодоступным для голосования [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2026. – 18 июня. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/28060453. (дата обращения: 7.09.2026).

22.Аналитический доклад Центра общественно-политических проектов и коммуникаций «ЕДГ – 2026: итоги регистрации и выход в финал кампании» [Электронный ресурс] // Центр общественно-политических проектов и коммуникаций. – Москва, 2026. – Режим доступа: https://nom24.ru/upload/iblock/0b7/d2fly422zxe60231637bclx7gwroq8lz.pdf (дата обращения: 10.09.2026).

***Проценко Александр Валерьевич**, к. полит. н., доц., akstazatu@mail.ru, Россия, Луганская Народная Республика, г. Луганск, Луганский государственный университет им. В. Даля*
***E-mail:** akstazatu@mail.ru*

***Савченко Наталия Николаевна**, ст. преп., savchenkon.n@yandex.ru Россия, Луганская Народная Республика, г. Луганск, Луганский государственный университет им. В. Даля*
***E-mail:** savchenkon.n@yandex.ru*

Protsenko A.V., Savchenko N.N.

RISK MANAGEMENT DURING ELECTION CAMPAIGNS IN THE LPR: EXPERIENCE OF 2022–2026

The article examines the process of electoral risk management in the Lugansk People's Republic during the region's integration into the electoral system of the Russian Federation (2022–2026). Based on the analysis of regulatory legal acts, analytical reports of the Center for Socio-Political Projects and Communications, empirical data from the GAS "Vybory" system, and regional media materials, the author identifies key categories of risks: security risks, information and communication risks, organizational and legal risks, and legitimacy risks. The author concludes that by 2026, a hybrid model of electoral risk management has emerged in the LPR, combining centralized federal security mechanisms with regional practices of public observation and targeted voter information. Particular attention is paid to the role of the Public Observation Headquarters as a key institution for minimizing the risks of election delegitimization. The scientific novelty of the study consists in expanding the classical typology of electoral risks by including the category of "security risks" and substantiating the hybrid risk management model in extreme conditions.

Keywords: *risk management, election campaign, LPR, electoral risks, public observation, martial law, integration of new regions, information threats, electoral sovereignty.*

Protsenko Alexander Valerjevich*, Candidate of Political Sciences, Assoc., at the Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.*
E-mail: *akstazatu@mail.ru*

Savchenko Natalia Nikolaevna*, Senior Lecturer, Russia, Luhansk People's Republic, Luhansk, V. Dahl Luhansk State University*
E-mail: *savchenkon.n@yandex.ru*

Статья поступила в редакцию 03.06.2026 г.

УДК 327.7:061.1

Ткачук П.Ю., Макарова Е.И., Бахарева Н.В.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Исследованы особенности становления представительств Европейского Союза. Выяснены и проанализированы природа, роль, основные задачи и функции дипломатических миссий ЕС на основе их сравнения с дипломатическими представительствами государств.

Ключевые слова: *Европейский союз, Европейская служба внешних связей (ЕСВС), представительства ЕС.*

Актуальность. Более чем за 60 лет своего существования Европейский Союз осуществил немало реформ, касающихся его экономического и политического развития. Ещё с 1951 г. и год за годом ЕС эволюционировал до того момента, что стал для мира одним из крупнейших торговых и экономических партнёров, крупнейшим поставщиком технической и финансовой поддержки для развития и, без сомнения, крупнейшим мировым донором гуманитарной помощи. Таких впечатляющих показателей удалось достичь благодаря тому, что ЕС в своих отношениях с миром всегда поддерживал мир, безопасность и устойчивое развитие планеты, солидарность и взаимное уважение народов, свободную справедливую торговлю, искоренение бедности и защиту прав человека. Союз всегда бережно относился к соблюдению и распространению своих интересов и ценностей в других странах мира. И более 50 лет эту функцию выполняли около 130 представительств Европейской Комиссии во всём мире.

За последние 10 лет Европейский Союз провёл ряд институциональных и кадровых изменений, которые усиливают эффективность деятельности ЕС в сфере внешней политики в соответствии с Лиссабонским договором от 1 декабря 2009 года (например, ст. 15, 18, 24, 47 Консолидированной версии Договора о ЕС и Договора о функционировании ЕС (далее – КВДЕС) [6]. Самым ярким изменением стало образование совершенно новой, невиданной до этого, Европейской дипломатической службы, или Европейской службы внешних связей (далее – ЕСВС) (ст. 27, п. 3 КВДЕС), которая будет заботиться о единстве, последовательности и целеустремлённости внешней политики ЕС. Как и все дипломатические службы, ЕСВС будет располагать своими представительствами в третьих странах и международных организациях. Так, решением Совета ЕС № 427/2010 «Об организации и функционировании Европейской службы внешней связи» от 26 июля 2010 года в ст. 1 п. 4 установлено, что ЕСВС будет состоять из центральной администрации, а также сети представительств ЕС в третьих странах и международных организациях [1]. Этот факт вызвал большой интерес среди научных кругов как Европы, так и других регионов мира, поскольку до сих пор в мире был представлен не целый Союз, а лишь Европейская Комиссия. Возникло немало вопросов относительно природы, роли, статуса и функций новообразованных дипломатических представительств ЕС. Наибольшее беспокойство вызвало то, не заменят ли представительства ЕС посольства государств-членов. Учитывая формирование многополярной геополитической модели развития мирового уклада, рассмотрение данной тематики будет очень актуальным для Российской Федерации и поможет определить все преимущества и недостатки этого европейского нововведения для формирования внешнеполитического взаимодействия.

Цель статьи. Исследование и анализ природы, роли и функций представительств Европейского Союза в третьих странах как функциональной составляющей ЕСВС после вступления в силу Лиссабонского соглашения.

Объект исследования. Процессы функционирования представительств Европейского Союза.

Предмет исследования. Исторические аспекты архитектоники представительств Европейского Союза и современные вопросы их функционального взаимодействия с Российской Федерацией.

Степень научной разработанности. Современная дипломатия и дипломатическая служба ЕС является предметом научных исследований многих зарубежных и отечественных учёных, таких как Abratis J. [1], Baumler B. [2], Водорезов С. И. [3], Громыко А.А. [4], Зонова Т. В. [5], Кавешников Н. Ю. [6], Козлов К. В. [7], Лебедева М. М. [8], Носов М. Г. [10], Потемкина О. Ю. [11], Сутырин В. В. [12-13], Шаройченко Н.Д. [16] и многих других. Труды этих исследователей освещают не только историю образования сети представительств ЕС, но и рассматривают многие политические, социальные и правовые проблемы, связанные с их функционированием. Несмотря на высокую актуальность этой тематики в условиях построения многополярного мира и определения места и роли Российской Федерации в новой системе мироустройства, почти все отечественные научные работы посвящены лишь общему рассмотрению понятия и содержания дипломатии, органов ее осуществления, а также структуры и функций дипломатических представительств как таковых.

Результаты исследования. К моменту вступления в силу Лиссабонского соглашения Европейский Союз не имел собственных представительств в третьих государствах, которые вели бы свою деятельность от его имени. Зато до 2010 года действовала сеть почти из 130 представительств Европейской Комиссии, из которой,

собственно, и возникли современные надгосударственные дипломатические миссии ЕС.

Потребность в представительстве ЕС появилась ещё в 1950-х годах с подписанием Договора об образовании Европейского Сообщества Угля и Стали в 1951 г., когда США стали первой страной, объявившей о международном признании Европейского Сообщества. С началом эры трансатлантического сотрудничества между ЕС и США возникла срочная необходимость в открытии определённого информационного офиса в Вашингтоне. 11 августа 1954 года Европейское Сообщество открыло своё первое информационное ведомство за рубежом, которое возглавил Леонард Теннисон. Впоследствии, с развитием европейской интеграции, образованием Европейской Комиссии и Европейского Фонда Развития, который предусматривал предоставление финансовой помощи бывшим колониям государств-членов Сообщества (Конвенции Яунде 1966-1975), Еврокомиссия начала нуждаться в определённой организации людей на местах, которые бы следили за правильным распределением и использованием выделенных средств. Таким образом, к концу 1960-х годов Европейская Комиссия открыла более 30 ведомств в странах Латинской Америки, Африки и Карибского и Тихоокеанского бассейнов (АКТ). Первые миссии ЕС не были дипломатическими, носили минимальный политический характер и имели ограниченные, практически чисто информационные и контролирующие обязанности. Однако уже тогда они играли значительную роль в реализации внешней деятельности Сообщества [8, с. 11-19]. После присоединения Великобритании к ЕЭС в 1973 году и подписания Конвенций Ломе в 1975 году с 46 странами региона АКТ (бывшие колонии Великобритании и заморские территории) миссии ЕС приобрели новую, более интенсивную окраску, поскольку теперь они ведали не только вопросами оказания помощи для развития, но и вопросами

торговли, региональной интеграции, культурного сотрудничества и, наконец, имели несколько более высокий политический уровень. Глава миссии, именовавшийся Представителем Еврокомиссии, наделялся представительскими полномочиями, а его назначение зависело от согласия на это соответствующей страны АКТ, что приравнивало эту процедуру к классической дипломатической процедуре назначения послов. К концу 80-х годов такие же делегации были открыты в государствах Средиземноморского региона. Дальнейшее стремительное развитие торговой политики Сообщества и наделение Еврокомиссии ещё большими полномочиями в этой сфере вылилось в открытие новых представительств в Бангкоке, Дели, Каракасе, Токио. Комиссия ЕС окончательно взяла на себя управление и координацию этими представительствами: в рамках института был образован Генеральный директорат по вопросам внешних связей Комиссии. Изменение статуса и качества функционирования этих представительств в третьих странах вело за собой и изменение в выполнении их основных задач, которыми стали:

– оказывать консультации и поддержку должностным лицам Сообщества, осуществляющим бизнес-поездки в страну пребывания представительства;

– действовать в качестве контактного пункта для субъектов, изъявляющих желание общаться с институтами;

– предоставлять информацию о целях и задачах ЕС;

– содействовать в реализации политик ЕС и выполнению договоров о сотрудничестве;

– сотрудничать с дипломатическими представительствами государств-членов в соответствующей стране пребывания и информировать их об имплементации политик ЕС;

– поощрять сотрудничество и координацию между дипломатическими представительствами государств-членов [10, с. 11-12].

В 1990-х годах Сообщество успешно выдержало внедрение ряда реформ во внешнеполитической сфере – образование Европейского Союза, начало Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ), назначение Верховного Представителя по вопросам ОВПБ. Это, без сомнения, сказалось и на развитии представительской деятельности ЕС за рубежом. Впервые роль представительств Еврокомиссии была прописана в тексте учредительных договоров. Так, ст. 20 ДЭС провозглашает, что «дипломатические и консульские миссии государств-членов и представительства Комиссии в третьих странах и на международных конференциях, а также их представители в международных организациях должны сотрудничать для обеспечения и реализации определённых и утверждённых Советом общих позиций и совместных действий». Создание ОВПБ и внедрение механизма ротационного председательства в Европейском Совете предоставило представительствам Еврокомиссии более политический характер, поскольку они были необходимым звеном для полноценной реализации внешней политики ЕС под руководством Верховного представителя ОВПБ [5, с. 75-76]. С каждым годом количество представительств увеличивалось, и к 2003 году их сеть насчитывала более 130 делегаций, охватывавших около 150 стран мира с более чем 5 тыс. профессиональным составом. Делегации внешнего ведомства Комиссии выполняли немало задач, основными из которых являлись:

– презентация, объяснение и реализация политик ЕС в странах пребывания представительства;

– анализ и отчётность о политике и развитии страны пребывания делегации;

– проведение переговоров в соответствии с предоставленными полномочиями [8, с. 51].

Стоит отметить, что эти задачи представительства выполняли как в третьих странах, так и при пяти штаб-квартирах международных организаций (ОЭСР, ОБСЕ, ООН, ВТО, ФАО). Особенно представительства следили за соблюдением интересов Союза в таких сферах, как торговля, экономическое развитие, сельское хозяйство, рыболовство, окружающая среда, транспорт, здравоохранение. Иными словами, представительства, которые были наделены полномочиями представлять только Еврокомиссию, в большинстве занимались вопросами реализации технических и финансовых программ сотрудничества, а также имплементации договоров о сотрудничестве. Вопросы политики и безопасности, а особенно озвучивание позиции Союза относительно определённого вопроса в государстве пребывания, представительство Комиссии брало на себя только при посредничестве дипломатического представительства государства-члена, председательствовавшего в то время в Европейском Совете. И наконец, не следует забывать об информационной деятельности этих структур. Именно они заботились о предоставлении и распространении полноценной, адекватной, достоверной, а главное – «свежей» информации о европейской интеграции и Союзе в целом. Эта информация предназначалась как для правительств, администраций страны пребывания делегации, так и для представителей масс-медиа, высших учебных заведений, деловых кругов, а также для представителей общественности [8, с. 49-50].

Первое десятилетие XXI века с его политической нестабильностью в мире, распространением терроризма, вспышкой нескольких масштабных вооружённых конфликтов, немалым количеством стихийных бедствий и общим ухудшением состояния окружающей среды заставило Европейский Союз укреплять свой

авторитет и заботиться о собственной безопасности в мире. Для этого первой задачей было укрепить свою внешнюю политику, особенно институциональные механизмы её реализации. Одной из таких инноваций для выполнения этих амбициозных планов и стало образование ЕСВС, предназначенной для поддержки главных акторов внешней политики ЕС (ст. 27, п. 3). После окончательной ратификации Лиссабонского соглашения ЕС в конце концов получил правосубъектность, и представительства Европейской Комиссии были переименованы в представительства Европейского Союза. Все они имеют статус дипломатической миссии и официально представляют ЕС за рубежом. В самом Соглашении есть лишь общее положение, в котором упоминаются надгосударственные представительства, а именно: ст. 32 КВДЕС, где отмечается, что «дипломатические представительства государств-членов и миссии Союза в третьих странах и в международных организациях сотрудничают и способствуют формулированию и реализации общего подхода…» [13].

Более подробные положения о миссии Союза можно найти в Решение Совета от 26 июля 2010 года № 2010/427/EU «Об учреждении структуры и функций Европейской службы внешних действий)», где в ст. 1, п. 4 отмечается, что Служба будет состоять из центральной администрации и представительств Союза в третьих странах и международных организациях. Статья 5 Решения под названием «Представительства Союза» информирует, что решение об открытии или закрытии миссий ЕС принимает Верховный Представитель ЕС по вопросам ОВПБ с согласия Совета и Комиссии. Руководство над представительством Союза, а также над всеми его сотрудниками независимо от статуса и деятельности будет осуществлять Глава делегации ЕС. Глава представительства подотчётен Верховному Представителю в части общего руководства работой делегации и обеспечения надлежащей координации всех

действий Союза в третьей стране. Он также обладает всеми необходимыми полномочиями представлять ЕС в государстве, при котором аккредитовано данное представительство, для заключения международных договоров и в качестве участника судебного разбирательства. Представительство ЕС, его сотрудники и имущество обладают всеми привилегиями и иммунитетами, эквивалентными тем, что указаны в Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 года [5].

Важным моментом, отличающим современные дипломатические миссии Союза от их предшественников – представительств Европейской Комиссии, является то, что, кроме отделов по вопросам торговли и гуманитарной помощи, представительства ЕС отныне в своей структуре будут иметь политические и информационные отделы, поскольку их функции будут распространяться на ОВПБ. Всё же, в отличие от традиционных посольств, у них по-прежнему не будет хватать военных, консульских и культурных подразделений, а это, в свою очередь, лишь усиливает утверждение о том, что миссии ЕС не смогут ликвидировать существование дипломатических представительств государств-членов в ближайшее время. Бесспорным является также и то, что основной целью образования миссии Союза было предоставление ЕС ещё большей политической мощи. Учитывая, что их функции будут распространяться на ОВПБ, они, таким образом, смогут озвучивать общую позицию Союза относительно тех или иных внешнеполитических ситуаций (до этого это делало посольство государства-члена, которое председательствовало полгода в Европейском Совете). Иными словами, представительство ЕС в третьей стране, при международной организации или на международной конференции, согласно Лиссабонскому соглашению, будет обладать правом говорить от имени всего Союза. Несмотря на это, Лиссабонский

договор не предусматривает перенос компетенций в сфере внешней политики от государств-членов на уровень ЕС и, соответственно, от национальных посольств на уровень представительств Союза. ОВПБ по-прежнему будет использовать межправительственный метод сотрудничества, как это чётко отмечает Декларация № 14, приложенная к Лиссабонскому договору. Статья 32 КВГФЕС отмечает, что представительства ЕС должны тесно сотрудничать с посольствами государств-членов, чтобы способствовать формулированию и имплементации общих позиций Союза. Это положение, в первую очередь, означает, что как первые, так и последние должны плодотворно сотрудничать для выработки общей позиции. И лишь в случае, когда такая позиция будет достигнута, именно представительство ЕС, а не представительство председательствующего государства-члена будет уполномочено представлять её по отношению к третьим странам или международным организациям [6, с. 3-4].

Чрезвычайно интересным вопросом является определение функций представительств Европейского Союза, а также их сравнение с теми, которые выполняют традиционные дипломатические представительства государств. Как известно, основные функции дипломатических представительств государств перечислены в ст. 3 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года, а именно: функция представительства, информационная функция, функция поощрения дружественных отношений и функция дипломатической защиты граждан [6, с. 145]. Исследование представительств Европейского Союза позволило выделить следующие функции:

– представлять Союз в третьей стране / международной организации;

– информировать руководство ЕС о политическом, экономическом, социальном развитии страны аккредитации

представительства и в этой связи поддерживать постоянные связи с главными игроками в области политики и общественной жизни в целом;

– содействовать политическим и экономическим связям между страной пребывания и Европейским Союзом путём поддержания эффективного диалога с правительственными учреждениями и повышения осведомлённости о Европейском Союзе, его учреждениях и программах;

– поощрять инициативы, направленные на развитие и укрепление двусторонних отношений между ЕС и третьей страной;

– продвигать и защищать интересы и ценности Европейского Союза, распространять знания и повышать уровень информированности о событиях в ЕС, его политике, целях и задачах с тем, чтобы обеспечить более глубокое понимание деятельности ЕС;

– укреплять сотрудничество между представительством ЕС и представительствами государств-членов в стране аккредитации путём организации постоянных встреч на уровне послов, советников и административного персонала;

– проводить пресс-информационную деятельность для достижения вышеупомянутых задач;

– участвовать во внедрении программ внешней помощи Европейского Союза;

– отслеживать внедрение соглашений о партнёрстве и сотрудничестве [12-13].

Как видим, в большинстве случаев представительства ЕС выполняют те же функции, что и посольства национальных государств. Всё же в определённых сферах мандат первых значительно ограниченнее, чем мандат последних. Это объясняется тем, что полномочия европейских представительств сосредоточиваются в рамках полномочий Союза. Так, в сферах, где

ЕС обладает исключительной компетенцией, миссия Союза функционирует так же, как любое дипломатическое представительство суверенного государства. В других сферах ситуация совсем иная. В частности, миссии Союза не обладают полномочиями по дипломатической защите и консульскими полномочиями. Так, представительства ЕС могут лишь помогать государствам-членам ЕС в консульских вопросах, но исключительно по просьбе последних и без привлечения для этого дополнительных ресурсов (ст. 5 Решения Совета ЕС № 427/2010). Это означает, что если какое-либо государство-член ЕС не имеет собственного представительства в третьей стране (например, Мальта имеет только 26 посольств, 14 из которых расположены в Европе, тогда как ЕС имеет 136), его граждане могут обратиться за помощью к представительству ЕС. По этому поводу некоторые государства-члены ЕС пошли так далеко, что предложили наделить ЕСВС и её представительства полными консульскими полномочиями (например, выдавать краткосрочные Шенгенские визы). Однако такая идея встретила сильное сопротивление со стороны крупных держав-членов ЕС, в частности Великобритании [11, с. 176-177].

На сегодня в мире действуют 138 представительств Европейского Союза, и наше государство здесь не исключение. Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве Россия-ЕС (СПС) вступило в силу 1 декабря 1997 г. Правовая база сотрудничества предусматривает развитие углубленных взаимоотношений в политической, торгово-экономической, финансовой, правовой, гуманитарной областях.

Современное дипломатическое сотрудничество России и Европейского союза переживает период глубокой трансформации. После разрыва прежних форматов взаимодействия в 2022-2023 гг. сегодня диалог строится по остаточному принципу. В ноябре 2024 года департамент общеевропейского сотрудничества МИД России

был переименован в департамент европейских проблем – в Москве смену вывески объяснили адаптацией к геополитическим реалиям: «сотрудничества не осталось, сплошные проблемы». В декабре того же года к работе приступил новый состав Еврокомиссии, где пост верховного представителя по иностранным делам и политике безопасности заняла Кая Каллас, занявшая, по оценкам российских экспертов, «наиболее непримиримую к России позицию» среди всех европейских дипломатов.

Дипломатические миссии, однако, продолжают функционировать. Постоянное представительство России при ЕС и Евратоме сохраняет свою работу в Брюсселе, как и аналогичное европейское ведомство в Москве. При этом, начиная с 2025 года, Евросоюз рассматривает возможность введения в рамках очередного пакета санкций ограничений на передвижение российских дипломатов по Шенгенской зоне – инициатива, которая, по оценкам российской стороны, приведёт к зеркальным ответным мерам.

Политический диалог на высшем уровне практически заморожен. Регулярные саммиты по формуле «1+2» (Президент России – Председатель Евросовета и Председатель Еврокомиссии) более не проводятся. Исключением являются отдельные контакты с премьер-министром Венгрии Виктором Орбаном, который в 2025 году совершил второй визит в Москву с 2024 года и остаётся ближайшим партнёром президента России среди лидеров стран ЕС. При этом Брюссель дистанцируется от таких контактов: Еврокомиссия предпочла не комментировать поездку Орбана, но одновременно призвала президента России «сесть за стол переговоров».

Совместные институты, созданные в соответствии с Соглашением о партнёрстве и сотрудничестве 1997 года (Совет сотрудничества на уровне министров иностранных дел, Комитет парламентского сотрудничества, Комитет сотрудничества на уровне

старших должностных лиц), фактически не действуют. Последнее полноформатное заседание Совета сотрудничества состоялось в 2022 году, после чего работа совместных органов была приостановлена по инициативе ЕС. Российская сторона в этой связи отмечает, что европейские политики «сознательно потеряли место за столом переговоров».

На регулярной основе встречи министров иностранных дел России и стран ЕС больше не проводятся. Исключением стали отдельные контакты «на полях» международных форумов: так, 16 сентября 2025 года в Нью-Йорке, на полях Генеральной Ассамблеи ООН, Сергей Лавров встретился с главой европейской дипломатии Жозепом Боррелем, обсуждалась ситуация на Украине, в Афганистане, а также перспективы иранской ядерной сделки и ближневосточного урегулирования. При этом в августе 2025 года Кая Каллас инициировала экстренное совещание глав МИД стран Евросоюза в связи с подготовкой саммита президентов России и США [3].

Активный политический диалог по ключевым международным проблемам, который в предыдущие годы позволял достигать взаимопонимания, в настоящее время практически отсутствует. Главное расхождение касается украинского кризиса, который является «стержневой темой в политике ЕС». В основе взаимного восприятия лежит «уверенность в том, что у противоположной стороны нет будущего». Водораздел между Россией и Европой очень глубок: «гибридная война чем-то хуже полноценной, она подрывает основы для любого взаимодействия». Попытки организовать изоляцию России, по мнению ряда российских парламентариев, «могут привести к краху Евросоюза в его нынешнем виде».

Выводы. Таким образом, пройдя путь от скромных информационных бюро 1950-х годов до разветвлённой сети из 138

делегаций, представительства ЕС обрели официальный дипломатический статус, закреплённый Лиссабонским договором. Это превратило их из технических органов, ведавших преимущественно торговлей и помощью развитию, в политических акторов, уполномоченных выражать согласованную позицию Союза по вопросам внешней политики и безопасности.

Современные миссии ЕС выполняют большинство классических дипломатических функций (представительство, информирование, содействие связям, продвижение ценностей). Однако, в отличие от посольств государств-членов, они лишены консульских полномочий и права дипломатической защиты граждан, что подчёркивает комплементарный, а не замещающий характер их роли по отношению к национальной дипломатической сети.

Приобретение ЕС правосубъектности и создание Европейской службы внешних действий (ЕСВД) позволили унифицировать руководство делегациями, наделить глав миссий полномочиями, эквивалентными посольским, и закрепить за представительствами ЕС право выступать от имени всего Союза, включая сферу общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ).

Несмотря на продолжающуюся работу дипломатических миссий в Москве и Брюсселе, регулярные саммиты и встречи министров прекращены, а взаимное восприятие характеризуется глубоким водоразделом и отсутствием перспектив восстановления сотрудничества в обозримом будущем. Сам факт сохранения функционирующих представительств России и ЕС свидетельствует о минимальном, но сохраняющемся канале коммуникации. Однако их деятельность в условиях санкционных ограничений, взаимных высылок и риска дальнейших рестрикций (например, на передвижение дипломатов) остаётся преимущественно технической, без реального политического наполнения.

Список литературы

1. Abratis J. Communicating Europe Abroad: EU Delegations and Public Diplomacy / J. Abratis. – Los Angeles : Figueroa Press, 2021. – 62 p.

2. Baumler B. EU public diplomacy: adapting to an ever-changing world / B. Baumler. – Los Angeles : Figueroa Press, 2019. – 54 p.

3. Водорезов С. И. Становление отношений России и Европейского Союза / С. И. Водорезов // Вестник БГУ. – 2009. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-otnosheniy-rossii-i-evropeyskogo-soyuza (дата обращения: 17.03.2026).

4. Громыко А.А. Субъектность Евросоюза – между атлантизмом и европоцентризмом / А.А. Громыко. – DOI 10.15211/soveurope420211025 // Современная Европа. – 2021. – № 4. – С. 10–25.

5. Зонова Т. В. Публичная дипломатия Европейского союза / Т.В. Зонова // Публичная дипломатия: теория и практика / под ред. М. Лебедевой. – Москва : Аспект Пресс, 2017. – С. 70–88.

6. Кавешников Н. Ю. Европейский союз: история, институты, деятельность / Н.Ю. Кавешников. – Москва : Аспект Пресс, 2021. – 368 с.

7. Козлов К. В. Упадок «мягкой силы» США / К. В. Козлов // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2021. – № 10. – С. 63–77. – DOI 10.31857/S268667300016898-7

8. Лебедева М. М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия / М.М. Лебедева // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 47–55. – DOI 10.24833/2071-8160-2014-2-35-47-55

9. Мазур О. Г. Развитие горизонтальных составляющих политической деятельности / Оксана Мазур // Архивариус : Материалы V международной научно-практической конференции : «Наука в современном мире», г. Киев: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – К. : мультидисциплинарный научный журнал «Архивариус», 2016. –С. 77-81.

10. Носов М. Г. Введение / М. Г. Носов // Европейский союз в поисках глобальной роли: политика, экономика, безопасность / под ред. А .А. Громыко, М.Г. Носова. – Москва : Весь мир, 2015. – С. 7-14.

11. Потемкина О. Ю. Современные проблемы гуманитарной дипломатии / О. Ю. Потемкина // Современная Европа. – 2020. – № 6. – С. 174–180. – DOI 10.15211/soveurope62020174180

12. Сутырин В. В. Трансформация Восточного партнерства ЕС после 2014 года / В. В. Сутырин // Современная Европа. – 2020. – № 2. – С. 111–122. – DOI 10.15211/soveurope22020111122

13. Сутырин В. В. Трансформация публичной дипломатии ЕС: от содержательного кризиса к повестке внешней угрозы / В.В. Сутырин // Современная Европа. – 2021. – № 6. – С. 17–29. – DOI 10.15211/soveurope620211729

14. Ткачук П. Ю. Диалектика империализма и ценностные ориентации современного российского общества / Е. И. Макарова, П. Ю. Ткачук // Политологические записки. – 2025. – № 2(2). – С. 17-28. – EDN SWDKXT.

15. Ткачук П. Ю. Диалектика империализма: аспект развития отношений собственности / П. Ю. Ткачук // Вопросы политической экономии. Вып. 3/2019. – М.: Культурная революция, 2019. – С. 56-67.

16. Шаройченко Н.Д. Политика Европейского союза по противодействию «мягкой силе» России в странах Восточного партнерства / Н.Д. Шаройченко // Вестник Московского государственного областного университета. – 2022. – № 2. – DOI 10.18384/2224-0209-2022-2-236

***Ткачук Петр Юрьевич**, д. экон. н., доцент, профессор кафедры государственного управлени, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля», Луганская Народная Республика, г. Луганск*
SPIN-code: 2683-2498
***E-mail:** petertkachuk@mail.ru*

***Макарова Елена Ивановна,** к.экон. н., доцент, заведующий кафедрой государственного управления, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля», Луганская Народная Республика, г. Луганск*
SPIN-code: 9387-6823
***E-mail:** 32oklena@rambler.ru*

***Бахарева Наталья Валерьевна**, старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук n.v.bakhareva@utmn.ru, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», Тюменская область, г. Тюмень*
SPIN-code: 5737-3559
***E-mail:** n.v.bakhareva@utmn.ru*

Tkachuk P.Y., Makarova E.I., Bakhareva N.V.

ON THE ISSUE OF THE FUNCTIONING OF THE REPRESENTATIVE OFFICES OF THE EUROPEAN UNION

The features of formation of the new EU delegations are investigated. The nature, role, main tasks and functions of diplomatic missions of the EU are determined and analyzed on the basis of comparison with the diplomatic representatives of states.

***Key words:** European Union (EU), European External Action Service (EEAS), EU delegations.*

***Tkachuk Peter Y.**, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Public Administration, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Lugansk State University named after. V. Dalya», Lugansk People's Republic, Lugansk*
SPIN-code: 2683-2498
***E-mail:** petertkachuk@mail.ru*

***Makarova Elena Ivanovna**, Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Public Administration, Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk People's Republic, Lugansk*
SPIN-code: 9387-6823
***E-mail:** 32oklena@rambler.ru*

***Bakhareva Natalya V.**, senior lecturer of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, University of Tyumen, Tyumen Region, Tyumen*
SPIN-code: 5737-3559
***E-mail:** n.v.bakhareva@utmn.ru*

Статья поступила в редакцию 12.04.2026 г.

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Сборник научных трудов

№ 2(6) 2026

Ответственный за выпуск *О. Г.Мазур*

Технический редактор *А. Е. Гриниченко*

Подписано к печати 18.07.2026
Формат 60 х 84 /16. Бумага офс. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Услов. печ. л. 9,18.
Тираж 100 экз. Изд. № 01606. Цена договорная.

Издательство
Луганского государственного университета
имени Владимира Даля

Адрес издательства: 291034, г. Луганск, кв. Молодежный, 20а
e-mail: izdat.lguv.dal@gmail.com